ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2015 № 1(7)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko (Saint-Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Галуза О.Ю. О школьном диалектном словаре Приамурья: общая концепция, структура и содержание 5
Иванцова Е.В. Проект создания идиолектного топонимического словаря 20
Юрина Е.А., Боровкова А.В. Прецедентные образные слова и выражения в «Словаре русской пищевой метафоры» 36

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Старикова Г.Н. Наименования лиц по промыслу и их представление в исторической терминографии 52

ПЕРСОНАЛИИ

Самотик Л.Г. Тамара Сергеевна Коготкова (памяти лексикографа) 75

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Гынгазова Л.Г. Лексикографический портрет Русского Севера. Рецензия на книгу: Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой 83
Блинова О.И. Рецензия на книгу: Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц / под ред. А.Д. Жакуповой 90
Ломакина О.В. Рецензия на книгу: Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского 98
Сидоренко К.П. Рецензия на книгу: Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший 104

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 110

C O N T E N T S

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Galuza O.Yu. *The School Dictionary of Amur Dialects*: general conception, structure and content..... 5
Ivantsova Ye.V. The project of an idiolect toponymic dictionary 20
Yurina Ye.A, Borovkova A.V. Precedent figurative words and expressions in *The Dictionary of Russian Food Metaphors*..... 36

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Starikova G.N. Designations of persons by work and their presentation in historical terminography..... 52

PERSONALIA

Samotik L.G. Tamara Kogotkova (in memory of the lexicographer)..... 75

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Gyngazova L.G. Lexicographic portrait of the Russian North. Book Review: Getsova, O.G. (ed.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary] 83
Blinova O.I. Book Review: Zhakupova, A.D. (ed.) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' naimenovaniy rasteniy i ptits* [Motivational and Comparative Dictionary of Names of Plants and Birds]..... 90
Lomakina O.V. Book Review: Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (eds.) *Akademicheskiy slovar' russkoy frazeologii* [The Academic Dictionary of Russian Phraseology] 98
Sidorenko K.P. Book Review: Kozyrev, V.A. & Cherniak, V.D. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Modern Russian Lexicography: The Past and the Present] 104

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 110

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81 286 (038)
DOI 10.17223/22274200/7/1

О.Ю. Галуза

О ШКОЛЬНОМ ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ ПРИАМУРЬЯ: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

В связи с усилением внимания к разным аспектам краеведческой работы, в том числе к лингвокраеведению, в статье обосновывается необходимость подготовки школьных региональных словарей, каким является «Школьный диалектный словарь Приамурья», предназначенный для учащихся средней школы и учителей русского языка и литературы. Определяются концепция и задачи словаря, образовательная и воспитательная значимость. Отмечаются особенности содержания и структуры. Словарь имеет методическое приложение, в котором даются рекомендации, как использовать словарные материалы на уроках русского языка и во внеклассной работе, предлагается программа кружка по лингвокраеведению.

Ключевые слова: *лингвокраеведение, региональный компонент, говоры, диалектная лексика и фразеология, диалектный словарь, словарная статья.*

Считается, что составление словарей и потребность в них общества – один из важных показателей культуры народа. В словарях фиксируется лексическое богатство языка, которое отражает сложность действительности, ее прошлое, настоящее и будущее. Словари – не только справочники, необходимые человеку, но и его советчики, руководители в безбрежном мире слов [1. С. 4].

Особое место в лексикографии принадлежит областным (диалектным) словарям. По словам О.И. Блиновой, «огромное научное, историко-культурное значение диалектных словарей повышается потому, что они являются хранилищем, нередко единственным, уникальных фактов русской народно-разговорной речи, существующей только в устной форме и поэтому нигде не зафиксированной» [2. С. 118].

Обращение к истокам народной речи особенно актуально в настоящее время, когда на телеэкран, радио, страницы газет огромным потоком хлынули иностранные слова, жаргонизмы, грубое просторечие. В этих условиях важной становится лингвокраеведческая работа, которая способствует реализации одного из самых актуальных

и ответственных направлений государственной и культурно-речевой политики общества – сохранению и преумножению национального языкового богатства [3. С. 5].

Лингвокраеведение Приамурья имеет давнюю историю. Впервые о русской речи амурских казаков в 1910 г. читателям Сборника Императорской Академии наук сообщил не специалист-диалектолог, а краевед-любитель – бывший хорунжий Амурского войска А.Б. Карпов [4]. В 30-е гг. XX в. записи народной речи на Амуре вел сотрудник Амурского областного краеведческого музея, энтузиаст-исследователь Г. С. Новиков-Даурский [5].

В настоящее время лексические богатства русских народных говоров Приамурья отражены в таких трудах, как «Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского» [6], «Словарь русских говоров Приамурья» 1983 г. [7] и «Словарь русских говоров Приамурья» 2007 г. [8], «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья» [9], «Словарь охотников и рыболовов Приамурья» [10], «Албазинский словарь» [11], а также в материалах к Словарю русских говоров Амурской области, которые помещаются в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» [12].

К сожалению, не всем юным амурским читателям эти издания известны и доступны. С введением регионального компонента в школьные программы, с усилением внимания к разным аспектам краеведческой работы, в том числе к лингвокраеведению, подготовка «Школьного диалектного словаря Приамурья», по мнению его авторов-составителей, стала реальной необходимостью [13. С. 3]. Мысль об этом впервые была высказана Е.А. Оглезневой в статье «Школьный диалектный словарь как краеведческий источник», где она отмечает: «Своеобразие амурских говоров на языковом (в частности, на лексическом) уровне оказывается достаточно ярко выраженным. В связи с этим особенно обидно почти полное забвение амурских диалектных слов в местной школьной практике. Поэтому важно не столько поднять пласт этих слов, сколько вместе с ним поднять пласт культуры амурского народа в широком смысле этого слова, через эти слова и с их помощью изучить жизнь и быт своих дедов – своё "родство"» [14. С. 50].

Формированию заинтересованного отношения школьников к родному слову, воспитанию национального самосознания и любви к малой Родине во многом будет способствовать знакомство с лекси-

кой местных говоров, живой народной речью. Самым доступным и богатым источником этого материала может стать областной словарь, который имеет прежде всего познавательную ценность, так как в нем фиксируются факты хозяйственной и культурной жизни местного населения в прошлом и настоящем, названия предметов, понятий, процессов бытовой и духовной жизни. В диалектном словаре обязательно отражаются внутренний мир человека, характер человеческих отношений, особенности поведения и его оценка людьми, что важно для воспитания нравственных качеств молодого поколения. Областной словарь способствует также приобщению учащихся «к образному, звучному, выразительному, безыскусному народному слову» и потому является средством эстетического воспитания [15. С. 118].

Определяя концепцию школьного диалектного словаря, авторы-составители руководствовались следующими принципами. Словарь должен быть учебным, т.е. предельно информативным, но не перегруженным языковым материалом, а следовательно, доступным для восприятия. Вместе с тем он должен давать возможность и учителю, и учащимся видеть перспективу, необходимую в краеведческих исследованиях. В словаре нужно показать народную языковую картину мира, отражающую мировосприятие жителей отдаленной территории России, представить тематическое многообразие лексики говоров и ее достоинства: точность номинации, детализацию предметов в зависимости от их значимости, яркую мотивацию слов, их образность, эмоционально-экспрессивные свойства, наиболее характерные системные связи и отношения, взаимодействие диалектных слов с общерусскими, глубокую связь с внеязыковой действительностью, проявляющуюся в этнографическом пласте лексических единиц.

Школьный диалектный словарь должен иметь образовательную и воспитательную значимость:

– развивать у школьников лексикографическую компетентность, включающую знания об основных русских толковых словарях литературного языка, словарях региональных и их отличиях;

– давать знания об основных способах толкования слов и развивать умение самостоятельного толкования нового слова;

– формировать навыки определения стилистических и эмоционально-экспрессивных особенностей лексических единиц, их системных связей путем анализа записей живой народной речи;

– вырабатывать способность к поисковой и исследовательской деятельности учащихся;

– воспитывать интерес к народному слову, понимание его ценности, его аккумулирующих свойств в сохранении исторической памяти народа.

«Школьный диалектный словарь Приамурья» (ШДСП) – словарь дифференциального типа, включающий около 1500 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Предназначен для учащихся средней школы и учителей русского языка и литературы. Источники данного словаря – кафедральная диалектная картотека и ранее изданные амурские областные словари [7–12].

В него вошли диалектные слова и фразеологические сочетания, отражающие самые важные стороны жизни амурчан, представляющие разные тематические группы. Лексика бытовая (названия одежды, обуви: *козля́к, ерга́ч, борча́тка, курму́шка, шу́бенки, вя́зенки, ко́тики, карпетки*; берестяные изделия: *туесо́к, чума́н, бито́к, наби́рка*; хозяйственные предметы и постройки: *имки́* «щипцы», *карасу́ра* «керосиновая лампа», *за́куть, ста́йка, клу́ня* «помещение для молотьбы») и промысловая (рыбацкие, охоничьи принадлежности: *двухсте́нка, зае́здок, бамбе́ра, ныри́ло*, *заглотыш, здево́к, кулёма, даво́к, пасть, кавале́рка*), характеризующая природу и климат Приамурья (*листо́вник, менда́ч, лысу́ха* «сопка без растительности», *запого́дить*, *захмари́ть, косохлёст, куржа́веть, морозобо́й*), лексика, связанная с человеком (*гура́н, за́падник, больша́к, голова́рь, бузу́й*) и т.д.

Очень своеобразна группа диалектных слов, называющих человека по различным качествам. Это слова, рождающиеся непосредственно в процессе общения людей, в результате совместной деятельности, когда проявляются характер человека, его способности, когда возникает необходимость дать оценку делам, внешнему виду, отношению к другим людям. Часто такие слова становятся прозвищами, они носят качественно-оценочный характер, отличаются точностью, яркостью, выразительностью. Например, **валёжина** – ленивый, неповоротливый человек. *«Ну и валёжина, ни рукой, ни ногой лишний раз не двинет»* (Алб. Скв.). В литературном языке валёжина – упав-

шее дерево. Очень точно подмечено сходство малоподвижного, ленивого человека с лежащим на земле деревом. Подобные примеры помогают понять учащимся, как возникает образность переносных значений диалектных единиц.

Одни слова, помещенные в ШДСП, являются устаревшими и относятся к пассивному пласту лексики, имеют в словаре помету «*устар.*»: *испо́дка* «нижнее нательное бельё», *казати́нка* «осеннее пальто со сборками на талии», *каля́вочки* «домашние тапочки», *канапе́ль* «небольшой деревянный диван»), другие широко употребляются в амурских селах в настоящее время и представляют активный запас лексики говоров: *кропи́шка* «клещ», *куре́нь* «ягодное или грибное место», *кухта́* «тополиный пух на ветках деревьев», *аргу́льки* «подснежники»).

Основные структурные части ШДСП: введение, словарные статьи, иллюстрации (рисунки) к некоторым словарным статьям, методическое приложение.

Во введении описываются содержание и структура словарной статьи, которая состоит: 1) из заглавного слова с грамматическими и при необходимости стилистическими пометами; 2) толкования значения; 3) иллюстративного материала; 4) географических помет.

Заглавное слово приводится в орфографическом написании, сопровождается ударением. Грамматические пометы традиционны, как и в других словарях русского языка. Стилистические пометы указывают: 1) на употребление слова в говорах (специальное, новое, устаревшее); 2) эмоциональность, оценочность (ироническое, шутливо-ироническое, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уничижительное, снисходительное, неодобрительное, одобрительное, презрительное, пренебрежительное); 3) экспрессивность, т.е. степень проявления признака, действия (экспрессивное, уменьшительное, увеличительное). Если эмоционально-оценочные и экспрессивные характеристики слова трудно разграничить, используется помета экспр.-эмоц.

По типу толкования лексических значений слов «Школьный диалектный словарь Приамурья» – толково-переводной: диалектные слова объясняются общерусскими средствами. Толкования некоторых слов, обозначающих особенности уклада жизни русских на Амуре (этнографизмов, профессионализмов), детализированы и по возможности сопровождаются рисунками. Например:

СЛИВА́Н, а, м. Устар. Крепкий чай, заправленный сливочным маслом, сырыми яйцами, сливками или молоком. Чай присаливается и обычно выдерживается в русской печи, перемешивается путем «сливания» ковшом. Любимый напиток забайкальских и амурских старожилов.

ТУРСУ́К, а, м. Берестяной шитый или плетеный короб с ручкой, используется преимущественно для сбора ягод, грибов, овощей (рис. 6, *4*).

Каждое значение многозначного слова имеет порядковый номер. Последовательность в расположении значений определяется логическими или генетическими связями между значениями или частотой употребления – по убывающей частотности.

Оттенки значений, созначения, накладывающиеся на основные, приводятся после знака ‖. Например:

ЗАХРЯ́СНУТЬ, н е т, сов. Затвердеть, загустеть. *Каша остыла, совсем захрясла* (Алб. Скв.). Амур. ‖ Стать черствым. *Калачи совсем захрясли, зубы сломать можно* (Серг. Благ.). Амур.

Иногда в толкование значения слова может быть введено диалектное слово как приложение в пояснительной функции, с последующей пометой (см.):

ПОЛОВИ́НКИ, н о к, мн. 1. Устар. Обувь, сшитая из выделанной с двух сторон кожи дикого зверя – полови́нки (см.).

Иллюстративный материал представляет собой записи диалектной речи, в которой зафиксированы заглавное слово или выражение, варианты слова. Диалектная речь передается в обычной орфографии, но с сохранением некоторых особенностей местного произношения (знам, лома́т, я́шшык, ишо́, лесна́, кото́ра и др.). Объем иллюстративного материала определялся необходимостью наиболее полно раскрыть значение лексической единицы, показать функционирование всех вариантов слова, шире представить косвенные грамматические формы.

Географические пометы указывают, в каком селе и районе или городе произведена запись речи. Они помещаются после каждого

высказывания или реплики. Затем отмечается регион, в котором зафиксировано слово: Амур. – Амурская область, Хаб. – Хабаровский край.

В ряде словарных статьей после иллюстративного материала вводится помета **Нов.-Даур.**, свидетельствующая о наличии лексической единицы в картотеке известного дальневосточного краеведа Г.С. Новикова-Даурского [6], изучавшего народно-разговорную речь Приамурья в период с 1926 по 1934 г.

В словаре показаны характерные для лексических единиц амурских говоров системные связи и отношения (синонимия, омонимия, вариантность).

Формальные варианты, к которым относятся видоизменения одного и того же слова, имеющие одинаковое лексическое значение, но различающиеся одним-двумя звуками в корне (мадежи́ – медежи́, глоха́ль – глоха́рь – гроха́ль), суффиксами или приставками (молоти́ло – молоти́лка, предпе́чек – при́печек), окончаниями (вешала́ – ве́шалы), даются в одной словарной статье и помещаются в заголовке. Если варианты слова имеют одинаковые грамматические признаки, последние указываются в конце вариантной пары (ряда), а варианты разделяются запятой:

> **БЕЛОБЕРЕ́ЗНИК, БЕЛОБЕРЁЗНИК,** а, м., собир. Заросли белой березы.

Если вариантные единицы имеют какие-либо различия в грамматических показателях, они указываются после каждого варианта, между которыми ставится тире:

> **БЕЛОГУ́БИКИ**, о в, мн. – **БЕЛОГУ́БЦЫ**, е в, мн. Сорт огурцов с белыми прожилками на кожуре.

Каждый вариант затем помещается на своем алфавитном месте с отсылочной пометой «См.», если он не находится рядом (на одной странице) с вариантной ему единицей (единицами). Например:

> **ГЛОХА́ЛЬ**, **ГЛОХА́РЬ, ГРОХА́ЛЬ,** я́, м. Дикая утка, представитель рода крохалей...
>
> **ГРОХА́ЛЬ**. См. Глоха́ль.

Акцентные варианты, различающиеся местом ударения, представлены в заголовке одной словарной единицей, в которой поставлено два ударения:

ЗИ́МУ́СЬ, *нареч.* Прошлой зимой...

Синонимы перечисляются после пометы «Ср.» в конце словарной статьи, где в качестве заглавного слова указывается и толкуется первый по алфавиту или наиболее распространенный в говоре синоним. Например:

ВЫ́ШКА, и, ж. Чердак... – Ср. К р ы́ ш а, П о д ы́ з б и ц а.

В словарных статьях, где помещаются синонимы, перечисленные после пометы «Ср.», вслед за толкованием значения дается отсылка «то же, что...» к слову, получившему статус основного в синонимическом ряду. Например:

КРЫ́ША, ы, ж. Чердак; то же, что вы́шка...

Если словарные статьи синонимических единиц находятся вблизи друг от друга (на одной странице или на смежных страницах), то значение синонимов раскрывается только с помощью отсылки «то же, что ...». Например:

КОБЫ́ЛКА, и, ж. Приспособление в борту лодки для упора весла при гребле, уключина (рис. 17, *3б*). *Кобылка прибива́тся к борту лодки, ставится ручка, и надеёшь весло* (Пашк. Облуч.). Хаб. – Ср. К о́ з л и к.

КО́ЗЛИК, а, м. То же, что кобы́лка. *Козлик к борту крепится, а к ему вёсла* (Серг. Благ.). Амур. Хаб.

В одной словарной статье, где иллюстрируются формальные варианты и синонимы, можно найти целые ряды слов, называющих одно понятие. Например, слово **суслик** «полевой грызун» в амурских говорах имеет 13 вариантов и синонимов, в ШДСП показаны некоторые из них:

ДЖИМБУРА́, ДЗЮМБУРА́, ЖИМБУРА́, ы́, м. Устар. Суслик. *А у нас суслика по-разному зовут: джимбура, евра́жка, писчу́к* (Серг. Благ.). *Едем с братаном из Благовещенска, я говорю: «Вон дзюмбура побежал», – а он меня не понял. Теперь называют сусликом* (Бус. Своб.). *Четыре деревни сподряд суслика ра́зно называли: Михайловка – суслик, Покровка – юра́тка, Сергеевка – писчу́к, Бибиково – дзюмбура́* (Серг. Благ.). *На жимбуров раньше охотился* (Уш. Шим.). Амур. Нов.-Даур.: джумбура́. – Ср. Е в р а́ ж к а, 2. Н ы р о́ к, П и с ч у́ к, С у с л а́ к, Ю р а́ т к а.

Омонимы представлены традиционно как самостоятельные словарные единицы и маркируются цифрой перед заглавным словом. Например:

1. ГУРА́Н, а, м. Самец косули. **2. ГУРА́Н**, а, м. Прозвище жителя Приамурья, потомка русских переселенцев из Забайкалья.

Фразеологические единицы даются в словаре с учетом состава компонентов и синтаксически господствующего (главного, стержневого) слова. Они помещаются и толкуются после знака ◊ при главном слове. Зависимые компоненты фразеологизма, кроме служебных слов, помещаются на своем алфавитном месте и имеют отсылку на стержневой компонент фразеологической единицы:

КО́ШКИ. ◊ **Ко́шки в дыбо́шки**. Обидеться, рассердиться...
ДЫБО́ШКИ. ◊ **Ко́шки в дыбо́шки.** См. Ко́шки.

Опорное слово, общее для двух или более фразеологизмов, в качестве заглавного выносится один раз:

НЕНА́СТЬЕ. В словосочетаниях.
◊ **Гуси́ное нена́стье.** О ненастном периоде поздней осени, когда гуси улетают на зимовку...
◊ **Ту́чное нена́стье.** О летнем периоде, когда солнечные дни перемежаются с дождливыми...

Фразеологизмы, представляющие собой сочетание подлежащего и сказуемого, описываются и иллюстрируются при слове, выступающем в функции подлежащего:

ЗРЕ́НИЕ. ◊ **Зре́ние поту́хло.** Об ослаблении зрения...

Варианты фразеологических единиц даются в скобках после соответствующего слова: **Заши́ть** (**зашива́ть**) **лоб** (**лбы**). **Хвати́ть мурцо́вки** (**мурцо́вочки**)...

Составные термины помещаются и толкуются на алфавитном месте по первому компоненту:

БЕЛОЛО́БЫЙ ГУСЬ. Вид дикого гуся с белым оперением на голове...

КО́ННАЯ МОЛОТИ́ЛКА. *Устар.* Орудие молотьбы в виде короткого бревна с набитыми на него брусками...

Предложно-именные (наречные) сочетания приводятся и толкуются в словарной статье на знаменательное слово после знака ~. Например:

ОХРЯ́ПКА... ~ **В охря́пку**, *нареч.* О способе заделки углов в деревянной постройке...

Предложно-именные сочетания, в которых диалектное слово вне этих сочетаний не употребляется, приводятся и толкуются в отдельной словарной статье на предлог:

В ОБУДЁНОК, *нареч.* В течение одного дня...

В «Школьном диалектном словаре Приамурья» собраны не только самые важные и интересные примеры диалектных амурских слов. В помощь организации лингвокраеведческой работы к словарю дается методическое приложение – советы учителю и учащимся, как использовать материалы словаря на уроках русского языка и во внеклассной работе, примерные планы и материалы для проведения кружковых занятий.

В частности, авторы отмечают, что слова из ШДСП могут служить прекрасными иллюстрациями фактически ко всем изучаемым в

школе темам раздела «Лексика»: многозначные слова, синонимы и варианты, омонимы, фразеологизмы.

Учащимся возможно показать многообразие тематических групп диалектной лексики, которые отражают определенные фрагменты дальневосточной действительности, содержат информацию о быте, деятельности сельских жителей.

Многолика и выразительна амурская диалектная фразеология. Фразеологизмы так же, как и отдельные слова, могут быть объединены тематически. Они бывают многозначными, синонимичными, имеют варианты. Большая часть фразеологических единиц – это образные наименования.

Лексика местных говоров может использоваться на уроках русского языка и при изучении словообразования. В диалектах порой скрыты неограниченные возможности реализации той или иной словообразовательной модели. Например, пастбище в говорах Приамурья называют **гульбищем**, лесоруба – **дроворубом, дровоколом,** крапиву – **жалючкой.** Появляются многочисленные словообразовательные варианты: белок – **белыш,** желток – **желтыш,** жеребёнок – **жеребушка,** приманка – **заманка,** утром – **утре, утресь**, выздороветь – **оздороветь.**

Привлечение местного материала позволит оживить уроки русского языка, сделать их более содержательными и интересными, побудит учащихся быть более внимательными к речи окружающих и к своей собственной речи, поможет почувствовать истинную красоту, силу и значимость народного слова.

Однако на уроках русского языка обращение к региональным особенностям из-за ограниченного времени может осуществляться лишь при изучении отдельных тем в виде справок, экскурсов в историю слов.

Более эффективным и целесообразным станет использование «Школьного диалектного словаря Приамурья» во внеклассной работе. Приемлемой формой внеклассной работы является кружок, который позволит учителю организовать постоянную и систематическую работу с закрепленным составом учащихся по изучению того или иного лингвокраеведческого материала, а именно – диалектной лексики.

Название кружка может быть таким: «Живое слово Приамурья», «Алмазный язык моего народа», «В мире есть Россия, у неё слова из

серебра» (А. Прокофьев), «Мне русская речь как музыка» (Н. Браун), «Создал народ наш слов златые горы» (В. Боков) и др.

Предлагаются следующие темы занятий кружка:

1. Литературный язык и территориальные диалекты.

2. «Мой учитель – живой русский язык» (В.И. Даль).

3. Формирование говоров Приамурья в связи с историей его заселения.

4. Первые исследователи говоров Приамурья.

5. Изучение русских говоров Приамурья во 2-й половине XX – начале XXI века.

6. Знакомство со «Школьным диалектным словарем Приамурья».

7. Лексические богатства говоров Приамурья.

8. Синонимы в русских говорах Приамурья и их отражение в ШДСП.

9. Этнографическая лексика в русских говорах Приамурья и её отражение в ШДСП.

10. Слова заповедные (об образности народного слова).

По каждой теме даются развернутый план, литература и материал, который может быть использован на занятии кружка.

Авторы надеются, что страницы «Школьного диалектного словаря Приамурья» раскроют любознательным читателям особенности народной речи русских жителей данного края, помогут понять мировосприятие людей, живущих в сёлах, постичь закономерности диалектного языка, углубить лексикографическую компетентность, а учителю-словеснику правильно организовать лингвокраеведческую работу с учащимися.

Литература

1. *Сороколетов Ф.П.* Русская академическая лексикография советского времени / Ф.П. Сороколетов // Русская речь. – 1974. – № 5. – С. 3–11.

2. *Блинова О.И.* Русская диалектология / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 133 с.

3. *Майоров А.П.* Введение в лингвокраеведение Бурятии / А.П. Майоров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 114 с.

4. *Карпов А.Б.* Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (кроме пословиц, поговорок и шуток) / А.Б. Карпов // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. – Т. 87, № 1. – СПб., 1910. – С. 1–20.

5. *Государственный* архив Амурской области, ф. 958.

6. *Словарная* картотека Г.С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 199 с.

7. *Словарь* русских говоров Приамурья / сост.: Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 341 с.

8. *Словарь* русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.

9. *Фразеологический* словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. – 155 с.

10. *Словарь* охотников и рыболовов Приамурья / авт.-сост. Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. –188 с.

11. *Галуза О.Ю.* Албазинский словарь / О.Ю. Галуза. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – 296 с.

12. *Слово*: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 2–10 / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005 – 2013.

13. *Школьный* диалектный словарь Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – 268 с.

14. *Оглезнева Е.А*. Школьный диалектный словарь как краеведческий источник / Е.А. Оглезнева // Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы. – Благовещенск, 1999. – С. 50–53.

15. *Блинова О.И.* Областной словарь как памятник культуры // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1996. – Вып. 1. – С. 115–121.

THE SCHOOL DICTIONARY OF AMUR DIALECTS: GENERAL CONCEPTION, STRUCTURE AND CONTENT.

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), p. 5–19. DOI 10.17223/22274200/7/1

Galuza Olga Yu., Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: vladimirgaluza@rambler.ru

Keywords: linguistic and local history study, regional component, dialects, dialect vocabulary and phraseology, dialect dictionary, dictionary entry.

As a result of great attention to different aspects of local study work, the article proves the necessity of compiling school regional dictionaries, such as *The School Dictionary of Amur Dialects*. This dictionary is intended for secondary school students and the Russian language and literature teachers.

Appealing to the source of our native speech is especially urgent today because of a great number of foreign words, jargons and rude common language on TV, radio and in newspapers. So, linguistic and local history study is of great importance.

Acquaintance with dialects and true folk speech helps secondary school students to form a concerned attitude to the native language and cultivates national self-consciousness and love to the “small” homeland. The regional dictionary can become the richest and the most available source of these data. The dictionary contains the facts of economic and cultural life of the local population in the past and in the present, also it includes the names of objects, notions and processes of common and mental life, so it has a great cognitive

significance. The dictionary deals with the inner life of a person, nature of personal relationship, features of behavior and its assessment by people, which is important for upbringing of moral qualities of a younger generation. The regional dictionary is a means of aesthetic education.

The conception of the regional dialect dictionary puts an emphasis on the following: 1) the dictionary must be educational (informative but not overladen by the material), it must be available for perception; 2) the dictionary must show the necessity of local lore investigations; 3) the folk language picture of the world must be presented in the dictionary, it must reflect the thinking of people who live on the remote territory of Russia, the dictionary must contain topical variety of dialects and their value – the exactness of nomination, detailed elaboration of objects according to their significance, bright word motivation, figurativeness, expressive characteristics, the most typical system relations, interaction of dialects and general Russian words, connection with extralinguistic reality reflected in ethnographic vocabulary.

The School Dictionary of Amur Dialects is of differential type, it includes 1500 dictionary entries in the alphabetical order. It deals with words and phraseological combinations which reflect different sides of Amur people's life and represent different topical groups: common and trade vocabulary, vocabulary which describes the Amur nature and climate, which is connected with man, etc.

The main parts of *The School Dictionary of Amur Dialects* are an introduction, dictionary entries (some of them include illustrations), methodological supplement.

The introduction deals with the content and the dictionary entry structure which consists of 1) a title word with grammar and stylistic marks if necessary, 2) interpretation and meaning, 3) illustrative material, 4) geographic marks.

The methodological supplement helps to organize linguistic and local history study. It contains advice for students and teachers, some plans and materials for study groups and helps to use dictionary materials at the Russian language lessons and in extracurricular activities.

References

1. Sorokoletov, F.P. (1974) Russkaya akademicheskaya leksikografiya sovetskogo vremeni [Russian academic lexicography of the Soviet times]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 3–11.

2. Blinova, O.I. (1984) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Mayorov, A.P. (2010) *Vvedenie v lingvokraevedenie Buryatii* [Introduction to linguistic regional studies of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat State University.

4. Karpov, A.B. (1910) Sbornik slov, sinonimov i vyrazheniy, upotreblyaemykh amurskimi kazakami (krome poslovits, pogovorok i shutok) [Collection of words, synonyms and expressions used by Amur Cossacks (except proverbs and jokes)]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 87, 1. pp. 1–20.

5. The State Archive of the Amur Oblast. Fund 958. (In Russian).

6. Kirpikova, L.V. (ed.) (2003) *Slovarnaya kartoteka G.S. Novikova-Daurskogo* [Word card files of G.S. Novikov-Daurskiy]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

7. Filin, F.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [The Dictionary of the Russian Amur Dialects]. Moscow: Nauka.

8. Galuza, O.Yu. et al. (2007) *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [The Dictionary of the Russian Amur Dialects]. 2nd ed. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

9. Kirpikova, L.V. & Shenkevets, N.P. (2009) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [The Phraseological Dictionary of the Russian Amur Dialects]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

10. Kirpikova, L.V. & Shenkevets, N.P. (2009) *Slovar' okhotnikov i rybolovov Priamur'ya* [The Dictionary of Amur Hunters and Fishermen]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

11. Galuza, O.Yu. *Albazinskiy slovar'* [Albazino Dictionary]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

12. Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds.) (2005–2013) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word: Folklore dialectological almanac. Materials of science expeditions]. Is. 2–10. Blagoveshchensk: Amur State University.

13. Galuza, O.Yu., Kirpikova, L.V. & Shenkevets, N.P. (2014) *Shkol'nyy dialektnyy slovar' Priamur'ya* [The School Dictionary of Amur Dialects]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

14. Oglezneva, E.A. (1999) [A school dialect dictionary as a source of local history]. *Regional'nyy komponent v prepodavanii russkogo yazyka i literatury* [The regional component in the teaching of the Russian language and literature]. Proc. of the Regional Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 50–53. (In Russian).

15. Blinova, O.I. (1996) Oblastnoy slovar' kak pamyatnik kul'tury [A regional dictionary as a monument of culture]. In: Luk'yanova, N.A. (ed.) *Yazykovye edinitsy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektakh* [Language units in the semantic and lexical aspects]. Is. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

УДК 801.3
DOI 10.17223/22274200/7/2

Е.В. Иванцова

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ИДИОЛЕКТНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Статья посвящена «Идиолектному словарю топонимов сибирского старожила», создаваемому в рамках проекта комплексного лексикографического представления феномена диалектной языковой личности. Рассматриваются место данного словаря в ряду близких по типу, его источники, состав, общая структура и структура словарных статей, даются их образцы. Особенностями нового ономастикона являются опора на тексты устной речи конкретного диалектоносителя, максимально полное отражение всех разновидностей географических наименований, семантизация топонимов с позиций рядового говорящего, отражение их функционирования через пометы и иллюстративные контексты.

Ключевые слова: *топонимы, словарь, русские сибирские говоры, диалектная языковая личность.*

Семейство топонимических словарей активно увеличивается в наши дни, отражая общую тенденцию внедрения лексикографического метода в практику одновременного представления и исследования языковых объектов [1, 2]. Множатся разновидности словарных трудов. Среди них – ориентированные на отражение топонимической системы национального языка в целом и топонимии отдельных территорий; описание тех или иных классов топонимов (урбанонимов, гидронимов, ойконимов, микротопонимов конкретного города или села и т.д.). В рассматриваемой группе изданий имеют место словари нормативного и ненормативного типа, с этимологической, энциклопедической и лингвокультурной составляющей, алфавитные и алфавитно-гнездовые, одноязычные и двуязычные.

В связи с развитием лингвоперсонологического направления топонимия в последние десятилетия начинает находить отражение и в идиолектных словарях. Как правило, топонимы лексикографируются в составе ономастиконов, где представлены различные разряды имен собственных. Одним из первых изданий такого рода стал отдельный том «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» [3]. Онимы включены в особые разделы «Частотного словаря романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» [4], «Словаря

языка русских произведений Шевченко» [5], «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой» [6] и др. Е.Л. Гинзбургом разработаны теоретические основы построения «Словаря антропонимов» и «Словаря топонимов» в лексикографической серии «Словарь языка Достоевского», составлен словник имен персонажей писателя и топонимический словарь к роману «Бесы» [7. С. XXXIII].

Как можно видеть, все эти словари отражают имена собственные в лексиконе известных писателей, элитарных языковых личностей. Источником так называемой авторской лексикографии (по Л.Л. Шестаковой) служат художественные тексты, дающие ценные сведения об идиолекте мастеров слова, но репрезентирующие только одну из форм речи – письменную. Словари языка писателей чаще дают общее представление об идиолектной онимии в целом, чем детальное описание ее отдельных классов. Обращает на себя внимание и тот факт, что до сих пор не создано ни одного ономастикона рядового носителя языка. На этом фоне «Идиолектный словарь топонимов сибирского старожила» (ИСТ), над которым в настоящее время ведется работа, заполняет некоторые лакуны в системе лексикографических трудов.

ИСТ является частью словарного комплекса, представляющего идиолект сибирского старожила Среднего Приобья. Задача максимально полной лексикографической презентации феномена диалектной языковой личности была поставлена в Томской диалектологической школе еще в 80-е гг. XX в. В настоящее время завершено издание базового 4-томного толкового словаря нарицательной лексики [8] и начато составление серии аспектных словарей, дополняющих его данные. В их число наряду с другими входит словарь топонимов носителя народно-речевой культуры.

Целью составления ИСТ является лексикографическая параметризация системы топонимов как важной составляющей ономастикона языковой личности и ее лексикона в целом. В словарной форме отражены топонимические номинации в идиолекте Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г. рожд., русской, малограмотной, коренной жительницы с. Вершинино Томской области.

Своеобразие **типа** создаваемого труда заключается в том, что он находится на пересечении классов ономастиконов, диалектных и идиолектных словарей, соединяя их черты. ИСТ – словарь регистрирующий, аспектный, отражающий результаты речевой деятельности

рядового носителя языка, представителя традиционных русских народных говоров.

Основным **источником** ИСТ является корпус текстов живой разговорной речи диалектоносителя объемом около 10 000 страниц. Материал собирался составителем словаря методом включения в языковое существование информанта в течение 24 лет (1981–2004 гг.). В качестве дополнительного источника сбора и интерпретации языкового материала привлекался «Полный словарь диалектной языковой личности». В отдельных случаях для уточнения официального статуса упоминаемых информантом объектов использовались также справочники по населенным пунктам среднеобского региона.

Состав словаря

Являясь составной частью серии словарей диалектной языковой личности, ИСТ вслед за базовым полным толковым словарем ориентирован на максимально широкое отражение единиц индивидуального лексикона.

Применительно к топонимам эта установка реализуется посредством включения в словник:

– разновидностей топонимов, относящихся ко всем видам номинируемых объектов: названиям государств и их отдельных регионов, областей и входящих в них районов; городов, деревень, поселков, а также частей, улиц, переулков и площадей этих населенных пунктов; морей, рек, проток, озер, болот, возвышенностей; участков сельскохозяйственного назначения;

– всех единиц идиолектной топонимической системы безотносительно к сфере их распространенности: официальных и неофициальных наименований географических объектов, известных и широкому кругу носителей русского языка, и территориально ограниченному коллективу представителей местного говора;

– топонимов, составляющих как ядерную, так и периферийную зоны идиолектной лексической системы. В ядро топонимии входят высокочастотные, свободно употребляемые языковой личностью онимы. К области периферии относятся главным образом неполно освоенные топонимы, воспроизведение звуковой оболочки которых вызывает у информанта затруднения: *А откэ'дова же они [конфеты]? На букву «жэ». Жинто'мир ли кто там; В город приехали жить, а у их там сестра была в городе, на Каменной этой улице…*

Ка'мен… Ка'мен… Ка'менска ли как ли? В группу периферийных входят также немногочисленные новые и устаревающие топонимы и единичные лексемы, употребляющиеся только при цитировании чужих высказываний.

Кроме того, в ИСТ отражены производные от топонимов притяжательные прилагательные: *московский, магадаевский, китайский* и проч.

Исследование идиолексикона В.П. Вершининой показало, что в его составе не всегда возможно проведение жесткой границы между онимами и апеллятивами, с одной стороны, и онимами разных классов, с другой. Такой материал отражался в соответствии с общим принципом «мягкой» лексикографической подачи пограничных явлений лексикона диалектной языковой личности – через систему отсылочных статей к словарю нарицательной лексики и составляемому словарю антропонимов.

Не вошли в корпус словаря единицы, которые зафиксированы только в ситуации повтора за собеседником.

Структура словаря

Порядок расположения топонимов в словаре – алфавитный.

Формальные варианты топонимов – единицы, имеющие незначительные различия в звуковой оболочке при семантическом тождестве, – приводятся в одной словарной статье, также ранжируясь по алфавиту:

ПА'РБИГ, ПА'РБИК, ПА'РБИКА

При этом к вариантам, отличающимся начальным звуковым комплексом от первого звена вариантного ряда, даются отсылочные статьи:

РУСАЛИМ см. **ИРУСАЛИМ**

Топонимы, в состав которых входят служебные части речи, даются по типу фразеологизмов на знаменательный элемент:

ИСТО'К ♦ ЗА ИСТО'КОМ

Омонимы (номинирующие разные объекты при совпадении звуковой оболочки) отражаются в отдельных словарных статьях с верхним цифровым индексом:

БАСАНДА'ЙКА[1]. *Посёлок в окрестностях Томска.*

БАСАНДА'ЙКА[2]. *Деревня в Кемеровской области.*

Притяжательные прилагательные даны в словарных статьях после соответствующих топонимов. Неднословные номинации типа

Ларинская елань, Ларинская гора даются при таких прилагательных как устойчивые словосочетания, в которых можно предположить еще не до конца завершенное развитие ономастической семантики:

ЛА'РИНСКИЙ. – Домов, наверно, семь тут-ка ларинских, привезёны с Ла'риной. ***Ларинская дорога. Ларинская гора. Ларинская елань***. – Два пая было: Ярска' ела'нь называлась... ~ А тут от по Ларино… по Ларинской дороге. Дак она не Ларина, наша. Ларино… это… «На Ларинской» горе. На Ларинской, так звали; Там бере'зник был на Ела'ни на Ларинской[1].

Структура словарной статьи

Словарная статья ИСТ включает следующие компоненты:

а) **Заглавное слово** в исходной словарной форме, с его формальными вариантами:

АРМЕ'НИЯ

КРАСНОЯ'РСК, КРАСНОЯ'РСКА

ПО'ДБОР, ПО'Д БОРОМ

Если в дискурсе В.П. Вершининой зафиксировано производное от топонима прилагательное, но не отмечен сам топоним, он приводился в заглавии словарной статьи со знаком реконструкции *:

***МИНА'ЕВКА**

МИНА'ЕВСКИЙ

Апеллятив, обозначающий вид географического объекта, в заглавие словарной статьи в большинстве случаев не выносился: опускались слова *улица, переулок, река, озеро, город.* В то же время если топоним в речи диалектоносителя употребляется только в словосочетании с наименованием объекта (*Иркутский тракт, Кузнечный взвоз, Набережная Ушайки, Приморский край, Кемеровская область, Чёрное море, Парме'ново озеро*…), такие случаи в зоне заглавия подавались как целостные словосочетания.

б) При топонимах указываются диалектные **формы словоизменения**, зафиксированные в речи информанта:

БЕРЛИ'Н (р. *Берли'на, Берли'ну*).

ВАРЮ'ХИНА (р. и п. *Варю'хиной*, в. *Варю'хину*).

в) Спектр представленных в ИСТ **функциональных помет** достаточно узок, что связано с особенностями употребления данной

[1] Для иллюстрирования отдельных положений ИСТ словарные статьи приводятся в сокращенном виде или в виде фрагментов.

группы онимов в дискурсивной практике диалектной языковой личности.

Для топонимов, не закрепленных в официальной номенклатуре городских и сельских населенных пунктов, давалась помета «неофициальное»:

ПСИХ, **ПСИ'ХА**. *Неофиц. Район Томска, где расположена психиатрическая больница.*

ПОЧТО'ВЫЙ, ПЯ'ТО ПОЧТО'ВЫЙ, ПЯ'ТЫЙ, ПЯ'ТЫЙ ПОЧТО'ВЫЙ. *Неофиц. Закрытый город вблизи от Томска.*

Помета о неполной освоенности топонима («неосвоенное») ставится, если в речи информанта наблюдается искажённое произношение имени собственного, маркеры неуверенности *ли как ли, как кака' ли* и под., скрытые проявления метаязыкового сознания (смех, усмешка) и др. Обычно эта помета используется в комбинации с пометой «окказиональное», указывающей на ситуативное порождение подобных образований в момент речи:

ФЕГУЛЬДЕ'Т, ФЕКУЛЬТЕ'Т. *Неосв. Окказ. Деревня на севере Томской области*. – [А первая семья у него в Томске?] Нет. Фегульдет ли Фекультет [смешок] ли там де-то, на севере.

ОПЕКЛЕ'НКО. *Неосв. Окказ. Улица в Томске.* – Опекленко, ли кака' ли улица… ну, та'мо-ка… ну, рядом с Южной тут живут де-то они. Они всё мне писали, адрес был, «ты заходи».

Пометы «новое» и «устаревающее» даются с учетом показаний метаязыкового сознания информанта, содержащих противопоставление «раньше / теперь»; на устаревание топонима могут также указывать сужение сферы его употребления до речевого жанра воспоминаний, преимущественное использование в контекстах глаголов речи в прошедшем времени (*звали, называли* и т.п.):

СЕ'ВЕРСК. *Нов. Закрытый город вблизи от Томска, ранее неофициально называвшийся Почтовым или Пятым почтовым*. – Потому что она не прописана в городе, на Пятом-то, в Северским теперь зовут. Она же в Томске прописана. А живёт там всё время.

САДО'ВАЯ. *Устареваюц. Улица в Вершинино.* – А там на улице, Садова улица была, звали, Победа счас зовут. [Там сады?] Ну, там сады, много было садов. А у нас тут не было нигде, ни у кого; А вот это Садова улица, где Катерина Васильевна жила, Садова была. Там много садов было, как сеча'с вот здесь. А у нас как-то мало тут было.

К редким для топонимии функциональным пометам следует отнести «в чужой речи» (*ЧР*) и «в прецедентном тексте» (*В прец.*). Первая из них маркирует лексические единицы, зафиксированные в речи информанта только при цитировании чужих высказываний, вторая – онимы, отмеченные в составе общеизвестных в той или иной культуре текстов:

ЛИТВА'. *ЧР. Одна из частей территории Советского Союза.* – Я говорю: «Володя, посмотри, каки' конфеты, чьи?» А он посмотрел: не по-нашему написано, всё, не по-русски. А он это: «Литва. Лито'вски».

ИРУСАЛИ'М, РУСАЛИ'М. *В прец. Город.* – [Читает молитву:] Начина'тся молитва, сон Пресвятой Боγоро'дицы. Ма'ти Маре'я, де спала ночава'ла? В городе Ирусалиме, во по'льческой церькви, в алтаре на престоле; Дли'нна [молитва] – мама учила: «Начина'тся молитва, сон Пресвятой Боγородицы, ма'ти Мария, де спала ночавала? В городе Русалим, во по'льческой? церькви, в алтаре на престоле.

г) Особую проблему составляет в ИСТ представление **зоны толкования** географических номинаций.

В большинстве словарей топонимов даются сведения о мотивировке наименования, включая и их этимологию, и привязка лексикографируемых единиц к научной географической номенклатуре. Однако создание словаря диалектной языковой личности предполагает отражение семантики топонима с позиций рядового говорящего. Вопрос об актуальности исследования «фактического современного восприятия географического названия членами конкретного языкового коллектива, функционирования названия в сознании личности» [9. С. 7] уже ставится учеными с учетом развития современной антропоцентрической парадигмы науки. Особенно значим этот тезис для лингвоперсонологии, в том числе – лингвоперсонологических словарей, к которым относится и ИСТ.

Сложная задача отражения в словаре «наивной географии» диалектной языковой личности решалась с опорой на многолетнее включенное наблюдение над информантом с учетом его дискурсивной практики, словарного запаса и метатекстовых высказываний языковой личности. Исходя из этого принципа, в ИСТ не включались сведения об этимологии топонима, поскольку этимологические данные диалектоносителю неизвестны.

Степень развернутости зоны толкования определялась характером представлений языковой личности о географическом объекте. При семантизации топонима могли находить отражение:

– вид географического объекта;

– его соотнесенность с другими объектами;

– мотивировочные признаки названия (в случае их осознания диалектоносителем);

– разнообразные периферийные представления носителя языка о статусе номинируемого объекта, его отличительных признаках, связанных с тем или иным наименованием событиях и т.д.

В связи с тем, что представления рядового говорящего в отношении отдельных объектов существенно различаются, толкование может быть как предельно обобщенным, так и максимально детализированным. Обязательным компонентом является только указание на вид географического объекта, прочие факультативны.

Указание вида объекта давалось исходя из объема лексикона рядового говорящего. В качестве основных единиц для наименования объектов используются *государство* (как политическая организация общества, занимающая определенную территорию), *город, деревня, посёлок, район, улица, переулок, площадь, проспект, море, река, речка, протока, болото, участок земли*. Родовые наименования *союзная республика, субъект Российской Федерации, административно-территориальная единица, регион* и под. не употреблялись в словаре, поскольку такие единицы в словарном запасе диалектоносителя не отмечены.

Несмотря на то, что ряд населенных пунктов среднеобского региона в справочниках назван сёлами, в ИСТ не производилось разграничение на сёла и деревни. Все крестьянские селения обозначены родовым компонентом *деревня:* лексема *село* низкочастотна в речи В.П. Вершининой; населенные пункты, официально носившие статус села (*Вершинино, Варюхино, Коларово* и др.), называются ею деревнями независимо от величины и наличия церкви; соотносится с этим пониманием и традиционная грамматическая форма женского рода (*Верши'нина, Варю'хина, Кола'рова* и под.).

Соотнесенность данного географического объекта с другими реконструировалась на основании дискурсивных данных.

При названиях государств соотнесение с единицами более высокого порядка (Европа/Азия, континент) не указывается в связи с от-

сутствием таких знаний у диалектоносителя. Большинство топонимов этой группы являются семантически опустошенными:

АМЕ'РИКА. Государство.

ИРА'К. Государство.

При названиях городов степень конкретизации может быть различной – от общего указания на тип объекта до сведений о нахождении в той или иной стране или на какой-либо части ее территории:

СЕМИПАЛА'ТИНСК. *Город.*

УЛА'Н-УДЭ'. *Город.*

ЛЕНИНГРА'Д. *Город в России.*

УССУРИ'ЙСК. *Город в России, на территории Приморского края.*

Небольшие города Томской и Кемеровской областей обычно соотносятся информантом с официальными названиями областей:

ЮРГА'. *Город в Кемеровской области.*

А'СИНА. *Город в Томской области.*

Для внутригородских топонимов (как правило, находящихся в Томске) указывается вид урбанонима и город:

НИКИ'ТИНА. *Улица в Томске.*

РЕВОЛЮ'ЦИИ ПЛОЩАДЬ. *Площадь в Томске.*

КАШТА'К. *Район Томска.*

Сельские микротопонимы соотносятся с деревней, на территории которой расположены географические объекты, – как правило, с родным для информанта Вершининским поселением. При микротопонимах, обозначающих объекты внутри населенного пункта, конкретизация осуществляется через указание на вид объекта (часть села, улица), за его пределами – через указание на расположение земельных участков, отличающихся рельефом и сельскохозяйственным предназначением, по отношению к деревне:

ГОРЁВКА. *Часть села Вершинино.*

ПОБЕ'ДА[1]**.** *Улица в Вершинино.*

ГРЯЗНУ'ШКИ. *Участок земли в окрестностях Вершинино.*

Сведения о существовании того или иного географического объекта или его статусе указывались на период сбора материала.

Специфика ряда топонимов в лексиконе В.П. Вершининой проявляется в одноименности обозначения той или иной территории – улицы, неофициального названия района – и объекта, располагающегося на этой территории. Если контексты демонстрировали не-

расчлененное употребление, подразумевающее одновременно и топоним, и топообъект, это отражается в зоне семантизации:

ДЕРЖИ'НКА, ДЗЕРЖИ'НКА. *Район улицы Дзержинского с расположенным на ней базаром в Томске.*

При наличии у рядового носителя языка иных устойчивых представлений, создающих образ географического объекта, они включаются в зону толкования в виде комментария:

БЕРЛИ'Н. *Город, столица Германии. Взятие Берлина советскими войсками в 1945 г. осознается как окончательная победа России в Великой Отечественной войне.*

ЧЕРНО'ПЫЛЬ. *Город в Советском Союзе. Место крупной промышленной аварии.*

ЧАЖЕМТО'. *Деревня в Томской области. Место расположения одноименного санатория, известного минеральной водой и грязелечением.*

В семантику наименований ликвидированных населенных пунктов входит также компонент «исчезнувший»:

СМОКОТНИНА'. *Исчезнувшая деревня в Томской области.*

Оттопонимические прилагательные с общим значением отношения даются в ИСТ при соответствующих топонимах без толкования:

КИТА'ЙСКИЙ. – Там всё вое'нны – де-то у китайской границы были, близко; То ли оно [мыло] китайско, то ли како'-то.

В качестве регулярного оттенка значения притяжательных прилагательных выделялся ЛСВ «живущий (живший) в том или ином населенном пункте»:

КАЛТА'ЙСКИЙ. *Живущий (живший) в Калтае.* − Пе'рва жена была калтайска у него [брата], с Калта'ю; А на ту-то сторону [реки] не перейдёшь, де калтайски. Те [жители] калтайски называются. Напро'ти Калта'й.

д) **Справочные сведения.**

В тех случаях, когда форма топонимов в лексиконе диалектоносителя отличается от официальной или имеет варианты, после зоны толкования со знаком < указывается официальное наименование:

БЕЛИ'НСКАЯ. *Улица в Томске. < Белинского.*

А'СИНА, **А'СИНО.** *Город в Томской области. < А'сино.*

НОВОКУЗНЕ'ЦК, **НОВОКУЗНЕ'ЦКА.** *Город в Кемеровской области. < Новокузнецк.*

Для ряда топонимов отмечено расхождение в родовом понятии: переулок может называться улицей, село – деревней, край – областью и т.п. Нормативная отнесенность также отмечается после знака <:

БАТЕНКО'ВА, **БАТЕНКО'ВСКА.** *Улица в Томске. < пер. Ба'тенькова.*

Словарная статья содержит также сведения о числе зафиксированных в текстах словоупотреблений топонима.

е) Важное место в структуре словарной статьи занимает **иллюстративная зона.** Широкое включение контекстов должно дать пользователям Словаря представление о характере употребления топонимов в речи носителя традиционной народно-речевой культуры.

Согласно традициям томской диалектной лексикографии иллюстративный материал словаря отражает черты диалектного произношения в упрощённой орфографической форме. Реплики собирателей и пояснения составителя словаря даются в квадратных скобках, реплики диалектоносителей в диалоге маркируются инициалами говорящих. Фрагменты связного текста отделяются друг от друга точкой с запятой.

Количество приводимых примеров определялось частотностью топонима в дискурсе В.П. Вершининой, а также зависело от разнообразия встречающихся случаев его функционирования. При наличии большого числа примеров отражались валентностные связи онима, приводились фрагменты как монологической речи информанта, так и диалогов с односельчанами. Основной массив контекстов репрезентирует спонтанную речь диалектной языковой личности; его дополняют отмеченные знаком ♣ показания метаязыкового сознания, отражающие рефлексию говорящего относительно наличия местного топонима, мотивов называния, замены одного обозначения другим и т.д.

Приведем образцы словарных статей ИСТ.

БАТУ'РИНА (в. *Бату'рину*, р., т. и п. *Бату'риной*), **БАТУ'РИНО.** *Деревня вблизи от Вершинино. < с. Батурино. 64/12.* – Ходили раньше по' миру. О-ой, из Батуриной приезжали, ходили по' миру здесь; Много ши'бко [план страховки]. Я говорю: «Тебе надо в Батурину, в Батурину нихто' не идёт»; И из Батуриной были

народ, из Верши'ниной, с Я'ру были, с Ярско'го [на празднике]; А ругаться станут – ой! Будут там ругаться – дак наверно, в Батуриной слыхать; Она гыт: «Заедемте ко Клавке?» Я говорю: «Нет, не поедем». По**е**хали домой. [Это кто?] В Батурино. Хотела ко Клавке заехать там-ка; А одна старуха в Батурино умерла, а втора' старуха мне говорила.

БАТУ'РИНСКИЙ, БАТУ'РСКИЙ. *Живущий (живший) в Батурино. 3/43.* – А как она уехала, а батуринский мужик приходит ко мне, он в Батуриной живёт; Ну он**а** была кандидат. Проголосовали Яр и батурински за неё, гыт; А я думаю: и т**а**к негде, столько народу у них, и чужого – батурски были, я'рски были, вся'ки, я говорю, и **о**н там ночава'ть вздумал; Как эта батурска баба накупила обнов-то; Ну, Света, от это, от батурского-то [дочь], помнишь?

ВОСТО'К. *Территория на востоке России. < Дальний Восток. 6.* – Андрюша в армии служит. Ага. Где-то он далёко. Ага, на Востоке де-то, я забыла. На Востоке; Ню'ре, моёй сестры мну'ка, Витьку. Взяли, гыт, на Восток; Ф.Г. Ты де, Коля, служил? Н.Н. На севере Урала. «У Печоры у реки». В.П. А Володя на Востоке, однако. А Юра тоже на Востоке; В.П. Она [родственница]: «Я бы пропуск тебе выхлопотала, всё бы, гыт, это…» М.А. Это кто звал, Шура? В.П. Шура. На Востоке тоже.

ЗАГО'РСКА. *Город в Подмосковье. < Загорск. 2.* – А у меня там знако'ма, она… даже сродни' мне. Из этого вот дому. Катя. Она маало жила тоже! А это… в деревне. Всё в городе жила. А работала она на заводе. О'споди… в Подмосковье, какой там ешо город-то? Де-то… Загорска. В Загорска их отправили.

ИРА'К. *Государство. 1.* – Ну, это где-то, гыт… как война начиналась где-то та'мо-ка… в Ираке ли где ли. Там война начиналась, они, гыт, по'мочь от войны. А война перестала там. Они разослали вот по таким. Ну, всем почти давали, многим давали [гуманитарную помощь].

ИСТО'К ♦ ЗА ИСТО'КОМ. *Неофиц. Старый район Томска вблизи реки. 3.* – Дак он каку'-то закалку изде'лал гаражу, – машину купил, гараж купил, всё изде'лал, а гараж За Истоком; В городе они живут. Я не знаю, де они живут. А гараж у их за этой… ну, там…За Истоком де-то; [У нас кондитерский За Истоком]. За Истоком? Там Шура-то эта моя, на Татарской живёт, недалёко туды'.

КО'БЫСОВА ♦ НА КО'БЫСОВОЙ. *Земельный участок в окрестностях Вершинино. 4.* – Это назывался По'дбор, теперь на Ни'жном – это уж чё, сколько полей… Кузнецово, на Кобысовой… ~ Покосы были. Сеяли и покосы были.

КОНЁВА (в. *Конёву,* п. *Конёвой*), **КОНЁВО.** *Исчезнувшая деревня в Томской области. 2/1.* – А дак… мы купили эту избушонку-то. Мы купили дом, хоро-оший, в Конёвой, а потом это…; А он купил, где Николай Васильичев дом-то, Степан съездил в Конёво, купил, там продавали дома'; Степан съездил, в эту, в Конёву, купил там дом.

ЛЕНИНГРА'Д. *Город в России. 1.* – А у ей сын де-то далёко, в Ленинграде ли где ли, Юрка, а дочка-то тут-ка, в Томске.

ЛЕНИНГРА'ДСКИЙ. *Живущий (живший) в Ленинграде. 2.* – Ленинградских пусти**л**а на кварте'ру [в войну]; У меня ленинградски жили, ба'ушка там одна, оттэ'дова, секлета'рь сельсовета, она устроилась ко мне…

ПАНЬКО'ВА. *Протока реки Томи около деревни Калтай. 3.* – Томь одна, а там-ка Панькова – рукав такой, протока, Паньковой лёд прошёл, по Светлой.

СИБИ'РЬ. *Обширная часть территории России с холодным климатом. 2.* – [А ссыльные здесь жили?] Помню, конешно, австрийцы каки'-то были здесь. А так я не знаю ши'бко никого. Ну, говорили, что в Сибирь ссылали; Шура, Марусина сестра, дак она: «Ой, в Сибири только пельмени и делают».

ТАТА'РЫ. *Устареваюц. Часть деревни Вершинино, где когда-то жили татары. 4.* – ♣ Улицу… там тот край всё звали «Татары». ~ «В Татары пойдёмте»; А на горке уж Горка, Горкой называли. Ну вот где Физа живёт, туды' подальше так мале'нько. А там Татары. ~ [А почему «Татары»?] А там татары жили, там в краю, наверно, из-за то. Давно кода'-то татары жили.

ЧЕБОКСА'РЫ. *Нов. Одна из новых частей деревни Вершинино. 1.* – ♣ «Чебоксары» там зовут, там сколько настроили домов, сколько живут, и там, в тем краю – много.

В «Идиолектный словарь топонимов сибирского старожила» вошло около 300 словарных статей (без учета притяжательных прилагательных). Он дает исследователю широкий круг сведений о топонимической составляющей лексикона диалектоносителя, ее коли-

чественных, качественных и функциональных характеристиках. Материалы словаря будут полезны диалектологам, ономатологам, лингвокультурологам, занимающимся проблемами семантики имен собственных, метаязыковой рефлексии в сфере ономастики, реконструкции представлений носителя языка о пространственной организации мира. Данный источник, думается, может внести свою лепту как в изучение диалектной языковой личности, так и – шире – рядового носителя языка вообще.

Литература

1. *Блинова О.И.* Лексикографический метод исследования языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-3-97): 3-я Междунар. науч.-практ. конф., 13–15 октября 1997 г. – Томск, 1997. – С. 148–149.

2. *Гавар М.Э.* Лексикографический метод и его применение в исследовании диалектной синонимии // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 384. – С. 11–17.

3. *Словарь* автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений) / сост. А.В. Федоров, О.И. Фонякова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

4. *Генкель М.Г.* Частотный словарь романа М.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». – М.: Наука, 1987.

5. *Словарь* языка русских произведений Шевченко: в 2 т. – Т. 2. – Киев: Наукова думка, 1986.

6. *Словарь* собственных имен и названий // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т. 4, кн. 2 / сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. – М., 2004. – С. 627–730.

7. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 2001. – С. IX–LXIV.

8. *Полный* словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.

9. *Голев Н.Д., Дмитрева Л.М.* Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 5–17.

THE PROJECT OF AN IDIOLECT TOPONYMIC DICTIONARY.

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 20–35. DOI 10.17223/22274200/7/2

Ivantsova Yekaterina V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: toponyms, dictionary, Russian Siberian dialects, dialectal language personality.

The review of existing toponymic dictionaries shows the diversity of their objectives and principles, including the increasing interest in idiolect onomasticons. However, the linguopersonology trend in proper name lexicography today is represented only in writer's language dictionaries and based on the data of the authors' written speech. The new

Idiolect Dictionary of Toponyms of the Siberian Old-Timer has some significant differences from them. It is at the intersection of onomasticons, dialect and idiolect dictionaries, combining their features. Typologically, the Dictionary is registering, aspect, first reflecting the specific geographic nominations of an ordinary individual. It is part of the dictionary complex which presents the idiolect of a Siberian Middle Ob Old-Timer, V.P. Vershinina, born in 1909.

The main source of the dictionary was texts of live colloquial speech of the dialect speaker of about 10,000 pages in volume. In forming the glossary, after the initial full explanatory dictionary of nominal vocabulary, the aim was to most broadly reflect the individual units of the lexicon which includes all kinds of toponyms relating to different kinds of geographical objects, official and unofficial names of the nuclear and peripheral zones of onyms and possessive adjectives derived from toponyms.

The article describes the general structure of the Dictionary and the structure of its entries which include the head word in its basic dictionary form with its formal options; dialectal features of inflection; marks ("informal", "undeveloped", "occasional", "new", "obsolescent", "in alien speech", "in the precedent text"); interpretation of the meaning; reference information; illustrative material. In semantization of toponyms an attempt is made to reflect the ideas of geographic objects from the standpoint of an ordinary speaker. In this connection, interpretation can be both very generalized (specifying the form of the object only) and most detailed. The reference zone indicates the number of recorded uses of the toponym and, if necessary, its official name. Contexts represent spontaneous speech of the dialectal language personality and metalinguistic consciousness representations, the object of which is toponyms. Samples of entries are given.

The Idiolect Dictionary of Toponyms of the Siberian Old-Timer includes about 300 entries. It gives the researcher a wide range of information on the toponymic part of the dialect speaker's lexicon, its quantitative, qualitative and functional characteristics. The dictionary materials will be useful for experts in dialectology, onomastics, cultural linguistics who deal with the problems of semantics of proper names, metalinguistic reflection in the field of onomastics, reconstruction of a native speaker's representations of the spatial organization of the world. This source can make a contribution to the study of the dialect language personality and, broader, the average native speaker in general.

References

1. Blinova, O.I. (1997) [Lexicographic method of the language study]. *Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (SIBRESURS-3-97)* [Natural and intellectual resources of Siberia (SIBRESURS-3-97)]. Proc. of the Third International Scientific and Practical Conference. 13th to 15th October 1997. Tomsk. pp. 148–149. (In Russian).

2. Gavar, M.E. (2014) Lexicographic method and its application in the research of dialect synonymy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 11–17. (In Russian).

3. Fedorov, A.V. & Fonyakova, O.I. (1975) *Slovar' avtobiograficheskoy trilogii M. Gor'kogo. Imena sobstvennye (lichnye imena, geograficheskie nazvaniya i zaglaviya literaturnykh proizvedeniy)* [Glossary of Gorky's autobiographical trilogy. Proper names (personal names, geographical names and titles of fiction)]. Leningrad: Leningrad State University.

4. Genkel', M.G. (1987) *Chastotnyy slovar' romana D.N. Mamina-Sibiryaka "Privalovskie milliony"* [The Frequency Dictionary of D.N. Mamin-Sibiryak's novel "Privalov's Millions"]. Moscow: Nauka.

5. Beloded I.K. (ed.) (1986) *Slovar' yazyka russkikh proizvedeniy Shevchenko* [The Dictionary of the Russian Works by Shevchenko]. V. 2. Kiev: Naukova dumka.

6. Belyakova, I.Yu., Olovyannikova, I.P. & Revzina, O.G. (2004) Slovar' sobstvennykh imen i nazvaniy [The Dictionary of Proper Names and Titles]. In: Belyakova, I.Yu., Olovyannikova, I.P. & Revzina, O.G. *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy* [The Dictionary of the Poetic Language of Marina Tsvetaeva]. V. 4. Book 2. Moscow: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy.

7. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (2001) Yazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii [Language and thought of Dostoevsky as reflected in the dictionary]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta* [The Dictionary of Dostoevsky's Language. The Lexical System of the Idiolect]. Is. 1. Moscow: Azbukovnik.

8. Ivantsova, Ye.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. V. 1–4.Tomsk: Tomsk State University.

9. Golev, N.D. & Dmitreva, L.M. (2008) Unity of the Ontological and Mental Existence of the Toponymic System: A Contribution to Cognitive Toponymics. *Voprosy onomastiki* – ***Problems of Onomastics***. 5. pp. 5–17. (In Russian).

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/22274200/7/3

Е.А. Юрина, А.В. Боровкова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОБРАЗНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В «СЛОВАРЕ РУССКОЙ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ»[1]

Статья посвящена описанию способа подачи прецедентных наименований в «Словаре русской пищевой метафоры». Определяется состав образных слов и выражений прецедентного характера, основанных на метафорической и символической интерпретации пищевой традиции; анализируется их семантика, связанная с фигуральным выражением представлений о различных фактах и ситуациях через призму гастрономических образов. Выявляются источники цитирования, к которым восходят прецедентные номинации, реализующие пищевую метафору; разрабатывается унифицированная модель их лексикографической презентации. Приводятся словарные статьи, вошедшие в первый выпуск словаря.

Ключевые слова: *образная лексика, фразеология, словарь, пищевая метафора, прецедентные выражения.*

В 2014 г. коллективом томских лексикографов под руководством Е.А. Юриной была завершена работа над первым выпуском «Словаря русской пищевой метафоры» [1], в который вошли образные слова и выражения современного русского языка, обозначающие различные явления действительности путем метафорического или символического переосмысления образов блюд и продуктов питания национальной кухни. Одной из главных задач лексикографирования являлась демонстрация целостной системы образов, представленной в семантике различных по структуре образных единиц языка. Поэтому образные слова и выражения группировались в виде лексико-фразеологических гнезд, объединенных исходной мотивирующей номинацией (вершиной гнезда), передающей метафорически интерпретируемый образ блюда или продукта питания.

Например, заглавная номинация **КАША** ‘сваренное на воде или молоке кушанье из крупы’ открывает презентацию серии образных средств языка, в которых этот образ проецируется на явления иных

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207а «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

понятийных сфер: языковые метафоры: ***каша*** 1) ‘полужидкая масса (грязь, мокрый снег и т.п.)’; 2) ‘путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений’; 3) ‘суматоха, нестабильная военная или политическая ситуация’; фразеологизмы: ***заварить кашу*** ‘начать какое-л. хлопотливое, трудное дело, имеющее неблагоприятные последствия’; ***каша в голове*** ‘путаница мыслей, неспособность найти нужную информацию среди имеющихся знаний’; ***каша во рту*** ‘о нечленораздельной, невнятной речи’; ***каша во рту стынет*** ‘о глуповатом, медлительном, нерасторопном человеке’; ***каши не сварить*** ‘невозможно договориться, нельзя положиться на кого-л.’; ***мало каши ел*** ‘о невысоком, физически неразвитом человеке’; ***просить каши*** ‘о сапогах, ботинках или другой обуви, разорванной впереди, у которой как будто раскрыт рот’; ***расхлёбывать кашу*** ‘справляться со сложной ситуацией, возникшей по причине чьих-л. необдуманных действий’; пословицы и поговорки: ***кашу / каши маслом не испортить*** ‘что-л. хорошее, необходимое, правильное не повредит даже в большом количестве’; собственно образные слова: ***однокашник*** ‘человек, учащийся с кем-л. вместе в школе, реже университете; одноклассник, однокурсник’.

Среди образных выражений встретились такие устойчивые идиоматические сочетания, которые имеют литературное, художественное, фольклорное, мифологическое происхождение и сохраняют прочную связь с источником: ***полезть, как каша из [волшебного] горшка*** ‘неожиданно появиться в большом количестве (о каких-л. явлениях, событиях)’; ***сварить кашу из топора*** ‘сделать, создать что-л., обходясь минимумом доступных средств’. Подобные единицы можно считать прецедентными и отнести к числу крылатых выражений. По мнению С.Г. Шулежковой, «крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц, все члены которой характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источником (автором; литературным, мифологическим, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т.д.); 2) раздельнооформленностью (они состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собой по грамматическим законам данного языка); 3) воспроизводимостью; 4) устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 5) стабильностью, устойчивостью семантики, закре-

пленной за данным оборотом в языковом узусе» [2. С. 28–29]. Например, в первый выпуск «Словаря русской пищевой метафоры» вошли библеизмы: ***иметь веру с горчичное зерно*** ‘иметь слабую веру в Бога, в возможность реализации своих замыслов’, ***отделить зерна от плевел*** ‘отделить хорошее от дурного, полезное от вредного’; литературные цитаты: ***принцесса на горошине*** ‘капризная изнеженная девушка’, ***сладких пряников всегда не хватает на всех*** ‘невозможно справедливое распределение материальных ценностей, кто-то всегда остается ущемленным в своих интересах’; мультфильмы: ***день варенья*** ‘день рождения’; фольклор: ***остались рожки да ножки*** ‘почти ничего не осталось’. Среди многочисленных образных выражений прецедентного характера встретились случаи образных номинаций прецедентного характера: ***редиска*** ‘человек, вызывающий осуждение своими неверными действиями или поступками’, отсылающая к фильму «Джентльмены удачи», и ***клюква*** ‘неправдоподобная информация; ложь, выдумка // тенденциозное, низкопробное художественное произведение какого-л. жанра’, восходящая к крылатому выражению ***развесистая клюква***.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко и др. к числу прецедентных феноменов мы относим высказывания, наименования, тексты и ситуации, которые хорошо известны всем представителям национального лингво-культурного сообщества, актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, часто воспроизводятся в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [3. С. 216; 4. С. 170; 5. С. 251; 6. С. 107].

Словарное описание образных единиц прецедентного характера включает следующие компоненты: 1) заголовочную формулировку выражения с учетом варьирования его структуры; 2) помету, указывающую на структурно-семантический разряд выражения (образная номинация – **ОН**, фразеологическая единица – **ФЕ**); 3) помету, указывающую на прецедентный характер выражения (**Прец.**); 4) помету, указывающую на принадлежность к определенному функциональному стилю речи (*Разг., Книжн.* и др.); 5) формулировку толкования значения; 6) экспрессивно-стилистические пометы (или помету), которые указывают на наличие эмоционально-оценочных коннотаций в семантике языковой единицы и реализованную в контекстах стилистическую окраску словоупотребления, отражающие

субъективное отношение говорящего к объекту речи (*Возвыш.*, *Ирон.*, *Неодобр.*, *Экспр.* и др.)[1]; 7) контекст, иллюстрирующий типовое употребление выражения в речи[2]. Указание на источник цитирования в словаре подается в заключительной части лингвокультурологического комментария.

Приведем в качестве примера словарную статью лексико-фразеологического гнезда с вершиной ***пряник***:

ПРЯНИК, -а, м.

I. Исходное значение.

Сладкое печенье на меду, патоке или сахарном сиропе с добавлением каких-л. пряностей. – *Проводница принесла кипяток, пакетики и два тульских* ***пряника*** («Русский репортер»). *Булок в нем отродясь не бывало, но хлеб и твердые советские* ***пряники*** *купить было можно* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

II. Образные значения.

ПРЯНИК. ЯМ. Материальные и социальные блага, стимулирующие эффективную работу; вознаграждение. *Экспр.* – *Следовательно, они на собственном опыте, ежедневно и ежечасно, должны чувствовать его социализм как новую жизнь, видеть её преимущества. Словом, нужен «****пряник****»* (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева). *Не из-за угрозы увольнения и не из-за* ***пряника*** *повышения, а благодаря тому, что видят в работе какой-то смысл* («Русский репортер»).

МЕТОД / ПОЛИТИКА КНУТА И ПРЯНИКА. **ФЕ.** Метод управления, при котором действует жесткая система поощрений и наказаний как стимул к работе. – *Герои фильма забыли, или по про-*

---

[1] Помета *Экспр.* (экспрессивное) маркирует выраженную образной единицей коннотацию интенсивности, чрезмерности, высокой степени проявления качества называемого феномена. Подробно система помет представлена во введении к первому выпуску «Словаря русской пищевой метафоры» [1. С. 15–18].

[2] Основным источником иллюстративного материала послужил Национальный корпус русского языка [7]. Полная характеристика источников словарных материалов представлена в «Словаре русской пищевой метафоры [1. С. 18–19, 21–24, 408–420].

стоте своей не знали, что в нормальном человеческом общении негоже применять издревле принятый на Руси ***метод кнута и пряника*** (Коллективный)[1]. *По всей видимости, в отношениях с Ереваном Вашингтон взял на вооружение старую, испытанную временем* ***политику кнута и пряника*** (Информационно-аналитический центр).

[СЛ<u>А</u>ДКИХ] ПР<u>Я</u>НИКОВ ВСЕГД<u>А</u> НЕ ХВАТ<u>А</u>ЕТ [НА ВСЕХ]. Погов. Прец. Невозможно справедливое распределение материальных ценностей, кто-то всегда останется ущемленным в своих интересах. – *Мутная история или «****пряников сладких всегда не хватает на всех»*** (Коллективный). *Очень хотелось бы получить ответ у чиновников от образования на вопрос – должна ли наша якобы бесплатная система образования обеспечивать школьников учебниками? Или, как пел Булат Окуджава: «****Пряников сладких всегда не хватает на всех****...»?* («АиФ Камчатка»).

III. Лингвокультурологический комментарий.

Пряник является характерным кулинарным изделием традиционной русской кухни. Его выпекают из специального пряничного теста, в которое для вкуса добавляют мёд, орехи, цукаты, изюм, фруктовое или ягодное повидло. Обычно пряники подаются на стол к чаю.

Слово *пряник* происходит от прилагательного *пряный*, так как в пряники добавляли различные пряности: кардамон, имбирь, гвоздику, кориандр, корицу и др. Приготовленную сладость заправляли медом или патокой.

На Руси пряники были ритуальным изделием. «Дрозды» и «козули» – лепные пряники в виде животных и птиц – развешивали в календарные праздники на деревьях. На пряниках обычно изображались ритуальные и магические знаки, начальные буквы имен святых; они служили атрибутами обрядов, им приписывали целебные свойства. Пряник дарили невесте на свадьбе, а в конце пиршества распределяли его кусочки среди гостей. Это означало, что пора расходиться по домам. На следующий день после свадьбы молодожены брали другой пряник, специально выпеченный на этот случай, и шли домой к родителям молодой, чтобы там положили деньги и подарки. Угощением пряником заканчивался и обряд поминок. Пряники да-

---

[1] Вслед за составителями Национального корпуса русского языка для неавторизованных контекстов, взятых из коллективных электронных источников (сайтов, форумов, чатов, обсуждений в комментариях и под.) мы используем ссылку «Коллективный».

рили в Прощеное воскресенье – последний день Масленицы перед началом Великого поста. В этот день ходили «прощаться» – просить друг у друга прощения за все причиненные обиды. Визиты сопровождались подношением пирогов и очень больших пряников (от 2 до 5 кг весом). К весенним праздникам выпекали жаворонков как символ весны и пробуждающейся природы.

Выражение *сладких пряников всегда не хватает на всех* стало использоваться в речи благодаря песне Б. Окуджавы «Старый король», где король с солдатами отправился в военный поход с целью побить врага и захватить сладких пряников: *«Играйте, оркестры, звучите, и песни, и смех. Минутной печали не стоит, друзья, предаваться. Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться, И пряников, кстати, всегда не хватает на всех»*.

IV. Типовое образное представление.

Вкусный, сладкий пряник символизирует нечто ценное, привлекательное, желанное.

В заключительной части статьи приведем серию словарных описаний прецедентных образных слов и выражений, транслирующих образы кулинарных изделий, блюд и продуктов питания, которые вошли в первый выпуск «Словаря русской пищевой метафоры». Указание на источник помечается символом ☼.

ЗЕРНОВЫЕ ПРОДУКТЫ, МУЧНЫЕ И КРУПЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

ИМЕТЬ ВЕРУ НА / С ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО. ФЕ. Прец. Иметь слабую веру в Бога, в возможность реализации своих замыслов. *Экспр. – Это даже не надежда, а полунамек на надежду, хотя и его оказалось бы достаточно (если есть веры в вас хоть* ***на горчичное зерно****), чтобы добавить смысла и придать решимости (в чем?)* (В. Русаков. Безблагодатные элегии Давида Раскина). *Мое внимание привлек бумажный лоскут с четвертушку тетрадного листа, где пробежисто, с крутым наклоном было написано: «Если имеете веру* ***с горчичное зерно*** *и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, она тотчас же повинуется вам»* (В. Личутин. Любостай).

☼ Фразеологизм *иметь веру с горчичное зерно* восходит к Евангелию от Матфея, глава 17, где Иисус сравнивает веру с горчичным зерном, подчеркивая важность наличия веры, а не ее размеров.

ОТДЕЛИТЬ ЗЁРНА ОТ ПЛЕВЕЛ / ШЕЛУХИ. ФЕ. Прец. Отделить хорошее от дурного, полезное от вредного. – *В результате многочасовых дебатов выяснилось, что раз и навсегда* ***отделить зерна от плевел*** *в вопросе равноправия женщин и мужчин в целом и политиков обоих полов в частности сможет только закон* («Известия»). *Задача будущего адепта боевых искусств – научиться* ***отделять зерна от шелухи****, эффективное от эффектного* («Боевое искусство планеты»).

☼ Образное выражение *отделить зерна от плевел* восходит к библейской притче из Евангелия от Матфея, глава 13, согласно которой на пшеничном поле некоего человека взошла не только пшеница, но и сорняки (плевела) из разбросанных врагами семян. Хозяин приказал рабам дождаться, когда вырастут и те и другие, и лишь потом собрать сначала сорняки и сжечь их, а затем убрать урожай.

(КАК) ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ. ФЕ. Прец. 1. Об очень привередливом, выдвигающем высокие требования человеке (обычно девушке). *Неодобр. – В таком наряде легко представлять себя* ***принцессой на горошине,*** *капризничать, требовать чего-то невозможного* (А. Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде).

2. О человеке, который сидит или спит на чем-л. неудобном, твердом. *Экспр. – Он набрал себе в кровать маленьких жестких игрушек, и какие-то лежали рядом с ним, а на каких-то он заснул,* ***как принцесса на горошинах*** (К. Сурикова. Несладкий кофе).

☼ Фразеологизм *принцесса на горошине* восходит к одноименной сказке Г.Х. Андерсена, где нежная, изящная принцесса не могла заснуть на мягких перинах со спрятанной под ними горошиной.

МАННА НЕБЕСНАЯ. ФЕ. Прец. Что-л., представляющее ценность, желанное, заветное. *Экспр. – Во-первых, такси подъехало сразу, что для Нью-Йорка вполне сравнимо с* ***манной небесной*** («Бизнес-журнал»).

☼ Выражение *манна небесная* восходит к библейскому мифу, где Господь послал пищу евреям, когда у них кончился хлеб в виде белых маленьких крупинок (Исход, 16, 14–16 и 31).

ПОЛЕЗТЬ, КАК КАША ИЗ [ВОЛШЕБНОГО] ГОРШКА. ФЕ. Прец. Неожиданно появиться в большом количестве (о каких-л.

явлениях, событиях). *Экспр. – С приходом свободной жизни, когда из телевизора, как* ***из волшебного горшка, полезла каша,*** *состряпанная из гадостей, а слово, чтобы остановить ее, перевалившую через порог и забившую улицу, – слово это потеряли, Тамара Ивановна, недолго катаясь умом, грохнула телевизор о пол и вымыла руки* (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана).

☼ Выражение *полезть как каша из волшебного горшка* восходит к сказке «Волшебный горшок» В. и Я. Гримм, где из горшка магическим образом сварилось столько каши, что она залила все дворы и улицы города.

СВАРИТЬ КАШУ ИЗ ТОПОРА. ФЕ. Прец. Сделать, создать что-л., обходясь минимумом доступных средств. *Экспр. – Сценограф Виктор Вольский, можно сказать,* ***сварил кашу из топора*** *– ускользающий и хрупкий мир Моцарта ему удалось создать всего лишь с помощью энного количества белых кубов, различные комбинации которых изобретательно обозначают новое место действия и, главное, поддерживают идею игры, которой истово служит Покровский* («Аргументы и факты»).

☼ Выражение *каша из топора* восходит к одноименной русской народной сказке, где хитроумный солдат сумел заставить жадную старуху положить в пустой горшок с топором и водой соль, крупу, масло и приготовил вкусный обед.

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ. ФЕ. Прец. Необходимые средства для жизни, существования, ежедневное пропитание. *Возвыш. – Под народовластием я понимаю систему, при которой высшей законодательной властью наделяются не профессиональные политики, а простые люди – инженер, рабочие, крестьяне… а* ***хлеб насущный*** *они зарабатывают честным трудом по специальности* («Советская Россия»). *Для нас, иммигрантов, такие книги – больше, чем* ***хлеб насущный*** («Российская музыкальная газета»).

☼ Выражение *хлеб насущный* восходит к Евангелию от Луки, главе 11, где Иисус дает своим ученикам в ответ на их просьбу молитву к Богу: *«Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».*

БАЛОВАТЬСЯ ПЛЮШКАМИ. ФЕ. Прец. Праздно и приятно проводить время. *Экспр. – Застеснялся Анатолий Иванович, как будто на самом деле никакой он не заведующий и не пятничный серьёзный обход проводит, а* ***плюшками балуется*** *не по назначению* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки).

☼ Выражение *баловаться плюшками* стало известно благодаря фразе главного героя мультфильма «Малыш и Карлсон», когда он представлялся домоуправительнице Фрекен Бок: «*А мы тут, знаете, всё плюшками балуемся… Кхм-кхм! Позвольте представиться… э-э… Карлсон!..*».

[СЛАДКИХ] ПРЯНИКОВ ВСЕГДА НЕ ХВАТАЕТ [НА ВСЕХ]. Погов. Прец. Невозможно справедливое распределение материальных ценностей, кто-то всегда останется ущемленным в своих интересах. – *Мутная история или «****пряников сладких всегда не хватает на всех»*** (Коллективный). *Очень хотелось бы получить ответ у чиновников от образования на вопрос – должна ли наша якобы бесплатная система образования обеспечивать школьников учебниками? Или, как пел Булат Окуджава: «****Пряников сладких всегда не хватает на всех****…»?* («АиФ Камчатка»).

☼ Выражение *сладких пряников всегда не хватает на всех* стало использоваться в речи благодаря песне Б. Окуджавы «Старый король», где король с солдатами отправился в военный поход с целью побить врага и захватить сладких пряников: *«Играйте, оркестры, звучите, и песни, и смех. Минутной печали не стоит, друзья, предаваться. Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться, И пряников, кстати, всегда не хватает на всех»*.

ФРУКТЫ, ОВОЩИ, ЯГОДЫ

МЫ ДЕЛИЛИ АПЕЛЬСИН. ФЕ. Прец. О распределении имущества, ценностей между несколькими субъектами. – *[Заголовок:] Мы делили* ***апельсин:*** *в кинематографической общественности очередной скандал* («Культура»). *[Заголовок:]* ***Мы делили апельсин.*** *Про соглашения о разделе продукции (СРП)* («Известия»).

☼ Выражение *мы делили апельсин* возникло из одноименной песни, прозвучавшей в мультфильме «Веселая карусель», где животные делили апельсин между собой по долькам: «*Мы делили*

апельсин. Много нас, а он один. Эта долька для ежа. Эта долька для чижа…».

АДАМОВО ЯБЛОКО. ОН. Прец. Выпирающий у мужчин кадык. – *Было чем и придушить человека при надобности: свисали десятки разнокалиберных ремней, иные из них с драгоценными пряжками, что сокрушат любое* ***адамово яблоко*** (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

☼ Образное выражение *адамово яблоко* связано с библейской легендой об Адаме и Еве. Когда Адам вкусил запретный плод добра и зла, кусок яблока застрял в его горле, и по сей день выдающаяся часть хряща в горле у мужчин служит напоминанием о грехопадении.

ЯБЛОКО РАЗДОРА. ФЕ. Прец. Источник конфликта, предмет спора. – *По данным «Известий», ООО «Регион», владеющее рядом крупных рыболовецких судов, уже давно стало* ***яблоком раздора*** *для криминальных группировок Дальнего Востока* («Известия»).

☼ Происхождение идиомы *яблоко раздора* связано с греческим мифом о золотом яблоке с надписью «прекраснейшей», подброшенном Эридой на свадьбу Пелея и Фетиды и ставшем причиной ссоры между богинями Герой, Афродитой и Афиной. Присуждение Парисом этого яблока Афродите косвенным образом привело к Троянской войне.

РЕДИСКА. ЯМ. Прец. Человек, вызывающий осуждение своими неверными действиями или поступками. *Шутл. / Неодобр. – Конечно, с моральной точки зрения перебежчик –* ***«редиска»,*** *сиречь нехороший человек* («Карьера»). *Конечно, судья –* ***редиска,*** *но комментаторы все-таки имеют обыкновение перегибать палку* (Коллективный).

☼ Именование *редиской* человека, совершающего плохие поступки, пошло от крылатой фразы из кинофильма «Джентльмены удачи» (1971 г., реж. А. Серый): *«Редиска – нехороший человек»*.

КЛЮКВА. ЯМ. Прец. 1. Неправдоподобная информация; ложь, выдумка. *Неодобр. – Может быть, там есть и своя маленькая правда, но* ***клюквы*** *явно больше* (К. Ваншенкин. Писательский клуб). *Наверное, мне не избежать* ***клюквы*** *и всяких ошибок, наверное, многое будет наивным, но, может быть, там будет и что-то интересное – Сидней, каким он видится человеку другой, совсем другой страны* (Д. Гранин. Месяц вверх ногами).

2. Тенденциозное, низкопробное художественное произведение какого-л. жанра. *Неодобр. – Некоторые даже утверждают, что теперь российское кино разделилось на государственное – «патриотическую* ***клюкву****», которую зритель никогда не полюбит, – и малобюджетное независимое кино, которое зритель никогда не увидит* («Русский репортер»). *Я не согласна. «Цирюльник» не* ***клюква.*** *Просто такой голливудский, точно просчитанный фильм* («Домовой»).

РАЗВЕСИСТАЯ КЛЮКВА. ФЕ. Прец. Неправдоподобная информация; ложь, выдумка. *Экспр. Ирон. – Меня удивило в ваших военных стихах знание дела, полное отсутствие* ***развесистой клюквы*** (З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком). *Однако, уважая профессионализм, он к нашему брату терпелив и великодушен: стремясь к точности, может десять раз остановиться, пояснить и повторить рассказ, чтобы в запись не попала* ***развесистая «клюква»*** (В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай).

☼ В основу идиомы *развесистая клюква*, именующей неправдоподобные факты и рассказы, лег эпизод мелодрамы Б. Гейера «Любовь русского казака», в котором неосведомленный, незнающий российских реалий иностранец говорил, что он сидел в тени развесистой клюквы.

РЫБНЫЕ ПРОДУКТЫ И БЛЮДА

ВОБЛА ВООБРАЖЕНИЯ. АМ. Прец. Творческое воображение писателя. *Экспр. – Любители Маяковского сразу поняли, что это реализация метафоры поэта – «****вобла*** *воображения»* (В. Смехов. Театр моей памяти). *На страницы моей рукописи летит первая* ***вобла*** (В. Смехов. Театр моей памяти). *Поэтому, как только заворочалась «****вобла*** *воображения», ищи режиссера, того, единственного, который сможет* (В. Трунин. Второй попытки не дано...).

☼ Выражение *вобла воображения* восходит к поэме В. Маяковского «Облако в штанах» (1915 г.): «*А оказывается – прежде чем начнет петься, Долго ходят, размозолев от брожения, И тихо барахтается в тине сердца Глупая вобла воображения*».

СУПЫ

ПРОДАТЬ ЗА ЧЕЧЕВИЧНУЮ ПОХЛЁБКУ. ФЕ. Прец. Отказаться от чего-л. важного, значимого ради сиюминутного и не имеющего высокой ценности интереса. *Экспр. – Во-вторых, врачу в лагере труднее, чем всем прочим смертным, сохранить душу живую, не* ***продать за чечевичную похлебку*** *совесть, жизнь тысяч товарищей* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут). *Один неглупый батюшка, рассказывал Циолковский, нередко захаживал к нему и всякий раз говорил: «Не забывайте, Константин Эдуардович, что вы живете в России, где вас могут совершенно зря* ***продать за чечевичную похлебку****, сгноить в тюрьме, уничтожить* (А. Чижевский. Вся жизнь).

☼ Выражение *продать за чечевичную похлебку* основано на библейском рассказе о том, как проголодавшийся Исав, старший из сыновей-близнецов патриарха Исаака, за чечевичную похлебку продал младшему брату Иакову право своего первородства, дававшего особые преимущества.

ДЕМЬЯНОВА УХА. ФЕ. Прец. То, что назойливо предлагается, навязывается кому-л. в большом количестве. *Ирон. – Думаю, что, желая создать мощный блок газет в защиту президента, М.Н. Полторанин перестарался. Получилась* ***Демьянова уха****. На следующий же день я в самых решительных словах высказал Борису Николаевичу свои опасения* (В. Костиков. Роман с президентом).

☼ Образное выражение *Демьянова уха* происходит от названия басни И.А. Крылова (1813 г.), где сосед Демьян настойчиво потчует ухой соседа Фоку, который после съеденной четвертой тарелки *«Как ни любил уху, но от беды такой, Схватя в охапку Кушак и шапку, Скорей без памяти домой»*.

СЛАДОСТИ

ДЕНЬ ВАРЕНЬЯ. ОН. Прец. *Разг.* День рождения. *Шутл. – Хочу поздравить вас с наступающим* ***Днём варенья!*** (Коллективный). *Сейчас готовлю Илюхин* ***день варенья.*** *Завтра несколько ребят к нему придут, всякие игрища на травке, с водой, с мячами, я там буду за развлекателя* (Письмо из Канады).

☼ Образное выражение *день варенья* стало известным благодаря фразе главного героя мультфильма «Малыш и Карлсон», где он вме-

сто поздравления с днем рождения поздравил Малыша с днем варенья, поскольку это кушанье было его любимым лакомством.

ПРИПРАВЫ

СОЛЬ ЗЕМЛИ. ФЕ. Прец. *Книжн.* Избранные люди, лучшие представители человеческого общества. *Возвыш. – Посмотрите вокруг: все, чего достигло человечество, придумано, открыто, создано ими. Их мало, но они –* ***соль земли*** (Г. Бельская. Привет, Джо!). *Для того, чтобы это было не так страшно, организаторы съезда заранее рассыпались в комплиментах делегатам, именуя их только что не* ***солью земли*** *русской* («Завтра»). *Он принадлежал к избранным людям, которые были* ***солью земли*** *русской* (В. Попов. Из жизни отца Константина Шаховского).

☼ Образное выражение *соль земли* восходит к Евангелию от Матфея, Глава 5, где Иисус читает нагорную проповедь своим ученикам и сравнивает их с солью, которая, потерявши свою соленость, ни на что более не годна.

ОСТАТКИ ПИЩИ

ОСТАЛИСЬ РОЖКИ ДА НОЖКИ. Погов. **Прец.** *Разг.* Почти ничего не осталось. *Ирон. – Осиротевший рубль в одночасье рухнул, увлекая с собой в небытие и родную советскую власть со всеми её халявными атрибутами. От изобильных кормушек с тиражами и вояжами* ***остались только рожки да ножки*** (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания). *Конечно, она подыгрывает ему, изображая скромную подчиненную, но как только она получит необходимую информацию, от Абдрашидзе* ***рожки да ножки останутся*** (Т. Устинова. Персональный ангел). *Чувство торжества, которое я испытал при первом взгляде на статью, не омрачило ни то, что от написанного лично мною* ***остались рожки да ножки****, ни то, что над моим именем стояло другое: «В. Володин»* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание).

☼ Поговорка *остались рожки да ножки* восходит к русской народной детской песне «Жил-был у бабушки серенький козлик», в финале которой козлика съели волки.

Образные слова и выражения прецедентного характера немногочисленны по составу (2,44 % от всех образных единиц словаря), но являются ярким средством эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата речи, активно употребляются в публицистическом дискурсе, по данным Национального корпуса русского языка, и зачастую выполняют заголовочные функции [7].

Литература

1. *Словарь* русской пищевой метафоры. – Вып. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 434 с.

2. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2001. – 288 с.

3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

5. *Гудков Д.Б.* К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 251–260.

6. *Захаренко И.В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1 – С. 104–113.

7. *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. www.ruscorpora.ru

8. *Дядечко Л.П.* Крылатые слова нашего времени. – М.: НТ Пресс, 2008. – 797 с.

9. *Русское* культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – Вып. 1 (Зооморфные образы) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

PRECEDENT FIGURATIVE WORDS AND EXPRESSIONS IN *THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOOD METAPHORS.*

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 36–51. DOI 10.17223/22274200/7/3

Yurina Yelena A, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Borovkova Anastasia V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: figurative lexis, phraseology, dictionary, food metaphor, precedent expression.

This article dwells on the method of describing precedent names in *The Dictionary of Russian Food Metaphors*. The authors analyze the semantics of precedent words and idioms related to the figurative expression of ideas about various facts and situations through the prism of gastronomic images with the purpose to develop a unified model of lexicographic presentation of precedent phenomena.

The research is topical due to the active development of metaphorological and linguocultural trends in modern Russian studies and the frequency of use of precedent words and expressions in the discourse.

The object of the research is precedent words and expression motivated by the names of dishes and food products in terms of their lexicographic presentation.

As *The Dictionary of Russian Food Metaphors* includes idiomatic combinations with the literary, art, folklore and mythological origin that retain a strong link with their source, it required development of a unified method of interpretation for this group of linguistic units.

The dictionary description of figurative precedent units as given in this article includes the following components: 1) the entry with its varied structure; 2) the field mark indicating the structural and semantic category of the expression (figurative nomination – **Fig**., phraseological unit – **Phraseol**.; 3) the field mark indicating the precedent nature of the expression – **Prec.**; 4) the field mark indicating that the expression belongs to a particular functional style of speech (*Coll., Bookish*, etc.); 5) the interpretation of the meaning; 6) the mark of style and expressiveness (*Iron., Pejor., Express*., etc.); 7) the context showing the typical use of the expression in the speech. The source of the quotation is provided in the final part of the linguistic and cultural commentary.

The authors provide the lexico-phraseological nest with the apex '***PRYANIK*** (***HONEY-CAKE***)' as an example of a dictionary entry that shows the ways to describe figurative words and expressions, including those with the precedent character. The final part of the article includes a series of dictionary descriptions of precedent figurative words and expressions translating images of dishes and food products included in the first edition of *The Dictionary of Russian Food Metaphors* (21 precedent expression).

References

1. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Is. 1: *Blyuda i produkty pitaniya* [Dishes and food]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Shulezhkova, S.G. (2001) *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitie* [Aphorisms of the Russian language, their sources and development]. Moscow: Azbukovnik.

3. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.

4. Krasnykh, V.V. (2003) "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [Native Among Strangers: Myth or Reality?]. Moscow: Gnozis.

5. Gudkov, D.B. (2004) K voprosu o slovare pretsedentnykh fenomenov [On the dictionary of precedent phenomena]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers of phraseologisms and discursive practices]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

6. Zakharenko, I.V. (1997) K voprosu o kanone i etalone v sfere pretsedentnykh fenomenov [On the canon and model in the field of precedent phenomena]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language consciousness, communication]. Is. 1. Moscow: Filologiya.

7. The Russian National Corpus [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru.

8. Dyadechko, L.P. (2008) *Krylatye slova nashego vremeni* [Aphorisms of our time]. Moscow: NT Press.

9. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvo-kul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space: cultural linguistic dictionary]. Is. 1: *Zoomorfnye obrazy* [Zoomorphic images]. Moscow: Gnozis.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'374; 81'373.237
DOI 10.17223/22274200/7/4

Г.Н. Старикова

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОМЫСЛУ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

Статья посвящена одной из проблем исторического терминоведения – представлению в лексикографических трудах наименований человека по роду профессиональной деятельности. Помимо обзора ряда специальных исторических словарей, включающих данную группу слов, в ней приведены образцы статейных блоков созданного автором словаря наименований промышленников. Его своеобразие состоит в хронологических рамках (конец XVI–XVII в.) и частичной ареальной характеристике материала, включении в словарный корпус разнооформленных номинативных единиц, в том числе предикативного типа (шьет портное, промышляет сапожным промыслом).
Ключевые слова: *диахронные словари, терминоведение, наименования лиц по роду деятельности, историческая лексикология.*

Лексика специальная, обслуживающая нужды отдельных отраслей науки, производства, какого-либо промысла, представляет особый исследовательский интерес для лингвистов, выражаемый обширной литературой по данной тематике[1]. Он обусловлен разнородным (по происхождению, времени вхождения в терминосистему, стратификационным разрядам) составом его единиц, предполагающим многоаспектность исследования языкового материала – как в статике системы определенного периода, так и в динамике диахронии. Непосредственно связанные с материальной культурой общества, они с наибольшей очевидностью демонстрируют социальный характер языка. Как подчеркивал В.В. Виноградов, «история терминологии той или иной сферы нашей культуры, производственной деятельности – это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе» [2. С. 6–7].

[1] См., например, список литературы в [1. С. 95–97], отражающий проблематику диахронных исследований.

Неся на себе «печать общеупотребительных слов» [1. С. 92], специальная лексика прошлых эпох в течение долгого периода изучалась в рамках исторической лексикологии – до момента оформления на рубеже последних веков новой научной дисциплины – исторического терминоведения. Теоретическим обоснованием самостоятельности, выделением предмета, задач дисциплина во многом обязана трудам О.В. Фельде (Борхвальдт) [1, 3]. По мнению исследовательницы, проблематика историко-терминоведческих работ должна включать «определение особенностей начальных этапов формирования различных терминологий; выявление лингво-хронологических срезов и закономерностей развития специальных подъязыков; изучение процессов специализации общеупотребительной и диалектной лексики; определение в составе специальной лексики русского языка различных генетических пластов, выявление и лингвистическую характеристику различных стратификационных разрядов специальной лексики; этимологическую характеристику специальных наименований и др.» [1. С. 92]. Успехи в решении отмеченных и многих других задач, диктуемых конкретным составом профессионального подъязыка, напрямую связаны со степенью лексикографической разработанности того или иного участка терминологии, причем эта связь носит характер взаимообусловленности: качественные исследования специальной лексики служат основой для хороших и полных словарей, которые, в свою очередь, подсказывают новые аспекты изучения данного языкового материала.

Являясь важнейшей частью номинативной системы, промышленная (промысловая, производственная) лексика включается в любой толковый словарь, отражающий состояние языка разных периодов его существования. Так, она вошла уже в первые средневековые лексиконы [4], словари начала XVIII в. [5] и последующих эпох – см., например, отражение этой группы лексики в Словаре Академии Российской [6], в словаре В.И. Даля [7], в современных словарях [8]. Большой объем специальных лексем рано заставил лексикографов ограничивать их число в толковых общефилологических словарях и создавать собственно терминологические словари, представляющие разновидность тематических «собраний имен», которые имеют давние традиции описания. Зарождение русской исторической терминографии в конце XVIII в., обзор так называемых «словарей древностей», историко-терминологических, узкоотраслевых промысловых

лексиконов XIX – начала XX в., лексикографических проектов последних десятилетий, определение места исторических словарей специальной лексики русского языка в общей системе лексикографических работ, выделение их разновидностей представлены в работе О.В. Фельде [9. С. 34–37] – руководителя Красноярской терминографической школы, автора одного из таких словарей [10].

Одним из самых больших тематических объединений слов в языке всех периодов, требующих к себе особого внимания, являются наименования лиц по промыслу (далее – НЛП), отражающие жизненно важные стороны человеческого бытия. При этом следует отметить, что в русистике не существует длительной истории специального лексикографического описания НЛП – хотя они включаются во многие ранние толковые словари, но единично и крайне непоследовательно. Это утверждение может быть проиллюстрировано следующими редкими примерами: *Усмие*. Кожа. *Усмарь*. Кожевник. *Усмошвец* – кожевник или сапожник. Толк. речем[1], 306. XVI в. Или: *Плинфа*. Цегла. *Плинфник*. Цегельник. Лекс. Берынды, 82. 1627 г. В Псковском разговорнике Т. Фенне встречается: *Промежник*, *хочешь промежи нас промежничать да наш товар на об*Ѣ *стороны оцѣнить?* [Псков. разг. II, 297. 1607 г.]. Или: *Я твоёму товару не сторож; пусть товар у тебя стережет кто твой хлѣб ѣст* [Там же. С. 327]. В представленных В.В. Дубичинским терминологических словарях XVIII в. [12. С. 27–28] наименований промышленников нет, отсутствуют они и в большинстве историко-терминологических словарей XIX в. [12. С. 203], поскольку основное внимание в них уделяется предметной лексике: названиям объектов, продуктов, орудий труда, производственных процессов, помещений и др.

Последнее замечание относится и к более поздним терминографическим опытам. Так, содержание труда Г.Е. Кочина [13] полностью соответствует названию – «Материалы для терминологического словаря Древней России» – и представляет собой указатель общественно-политической и экономической лексики, извлеченной из изданных к середине 1930-х гг. памятников письменности XI–XV вв. Жанр работы не предполагал развернутого толкования слов, в том

[1] Обозначения источников в иллюстративном материале статьи соответствуют принятым сокращениям для Словаря русского языка XI–XVII вв. в [11].

числе немногочисленных НЛП, поэтому оно встречается крайне редко (БРАЛЬЯ, ПРОСКУРНИК), как и их однословное толкование синонимами (ГОСТЬ, ВОЗНИК, УСМОШВЕЦ). Обычно подобные единицы снабжаются общими указателями: *профессия* (БАННИК, ВЕДЕРНИК, МАСЛЕНИК, ОВЧИННИК); *ремесленник* (ГВОЗДОЧНИК, РУКОДЕЛЬНИК); *профессия, ремесленник* (БЕРДНИК, ЗАМОЧНИК, СИТНИК). Иногда указывается, к какому делу относится данная профессия: ВОДОЛИВ, ВОДОЛЕВ – *профессия в солеварении*; ОСНАЧ, ОСНАЧЕЙ – *профессия на водном транспорте*. Отмеченные особенности свойственны и небольшому терминологическому словарю А.И. Андреева [14].

С позиций современности историческими могут восприниматься синхронные по аспекту подачи номинативного материала специальные справочники XIX – начала XX в. В крупнейшем из них – двухтомном «Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева, содержащем 25 тысяч слов, относящихся к различным областям экономики (полеводству, рыболовству и охоте, торговле, ткачеству, кожевенному, плотничному и многим другим профессиональным занятиям населения России первых десятилетий XIX в.) [15], НЛП тоже занимают незначительное место. При этом словарные статьи различаются своей полнотой, нет единообразия в подаче заглавных слов, их толкование (перевод) может осуществляться региональной лексикой. Например: АГРОНОМ. Ученый; ВЫЖЛЯТНИК. Охотник, приставленный к хождению за выжликами; УСМАРЬ. Кожевник в просторечии; ХОДЕБЩИКИ. Промышленники, занимающиеся разносною торговлею по губерниям, главнейше отечественными мануфактурными товарами и почти всегда средственной руки; ШЕРСТОБИТ. Волнотеп.

Самым ранним и наиболее полным справочником, отражающим исключительно НЛП, стал труд санитарного врача С.М. Богословского «Система профессиональной классификации» 1913 г. [16]. Основное содержание работы составляют две части: «Классификация и номенклатура детальных профессий» (с. 51–220) и «Словарь профессий» (с. 223–689) – прообраз современных тарифно-квалификационных справочников. В первой из них отрасли представлены в следующем порядке: 1) описание производства; 2) его санитарные условия; 3) список профессий, занятых в ней. Например,

щеточное производство описывается так: «1. Прежде всего готовятся колодки, для чего дерево распиливается на нужной величины чурбаки, которые отесываются топором и распиливаются на колодки (*пильщик*); или чурбаки раскалываются на куски, обтесываются и выстругиваются (*тесальщик*). Выделанные колодки поступают к *вертелу*, изготовляющему на них дырки <…> Щетина (или трава) приготовляется *чистилом* <…> 2. Испарения лака, опасность ожога, пыль <…> 3. *Метелочница, кустарник, выколачивальщик, щеточник* <…>» [16. С. 96]. Вторая часть является на деле всего лишь алфавитным списком НЛП, названных в предыдущем разделе справочника, к которому и отсылаются его пользователи: «БАГЕТНЫЙ МАСТЕР, обработка дерева; БАКАЛЕЙЩИК, торговля; БАКОВАЛЬЩИК, обойное производство; БАКОПРАВ, сталелитейное производство» [16. С. 227]. Не будучи собственно словарем, этот труд заслуживает внимания языковедов объемом словника (5284 единицы: АГРАМАНТЩИЦА – ЯЩИЧНИК, 703 вида ремесел и промыслов) и самобытным способом описания наименований специалистов, что превращает его в ценный источник для дальнейших лингвистических исследований.

Данный обзор, с одной стороны, подтверждает мысль о слабой представленности этой группы лексики в лексикографических трудах, прежде всего в исторической терминографии, с другой – указывает на перспективность отражения НЛП в словарях ономасиологического типа, характеризующихся толкованием значения через признаки, легшие в основу их номинации: как отмечалось выше, к показу мотивов наименования стремились уже средневековые лексиконы. Особую значимость подобный тип дефинирования приобретает в работах, построенных на языковом материале прошлых эпох. Так, Ю.С. Сорокин, говоря о различных формах исторических словарей, в качестве одного из общих требований к ним выдвигал квалификацию фактов языка в категориях избранной для описания эпохи, с учетом «специфики каждого из таких языковых состояний» [17. С. 27].

Указанному требованию Ю.С. Сорокина соответствует ряд диахронных терминологических словарей последних лет. Один из них – узкоотраслевой исторический словарь О.В. Борхвальдт [10], в корпусе которого представлены статьи, толкующие лексику разных частей речи, связанную с золотодобычей. Так, семантизация слов типа

ЗОЛОТНиЧНИЧАТЬ, РОГуЛЬКА, ШуРФ мотивирует дефиниции соответствующих НЛП: ЗОЛОТНиЧНИК (ЗОЛОТНиШНИК, ЗОЛОТНиКЩИК), м. Тот, кто золотничничает [10. С. 72]; РОГуЛЬЩИКЪ, м. Рабочий, работающий рогулькой [10. С. 157]; ШУРФоВЩИК, м. Рабочий, производящий разведку и добычу горных пород с помощью шурфов [10. С. 189]. Примером регионального исторического терминографического труда служит «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» [18], отражающий номинативные группы, обслуживающие 64 ремесла, в числе которых бондарное, веревочно-канатное, кузнечное, портное, ткацкое, солеварение и др. В нем представлены разнообразные способы семантизации заголовочных единиц, совмещающие их подачу в справочнике С.М. Богословского [16] и диахронных толковых словарях [19, 20]. Так, в нем перед определениями значений лемм вводятся пометы, указывающие на промысел, для которого характерна эта лексика, например: **ЖЕРНОВНИКЪ** (**ЖОРНОВНИКЪ**)**,** м. Мельн. *Мастер, изготовляющий жернова* [18. Т. 1. С. 203]; **ЗАСТЕНЩИКЪ,** м. Строит. *Каменщик, подручный мастера каменного дела* [Т. 1. С. 229]. **ИСАДНИКЪ,** м. Судов. *Тот, кто работает на пристани* [Т. 1. С. 252]; **КИБИТЧИКЪ,** м. Тележн. *Тот, кто делает кибитки* [Т. 2. С. 40].

Образцом реализации обозначенного выше требования могут служить и «Материалы для словаря названий лиц по профессии» Л.А. Шкатовой [21], где НЛП представлены в виде словника (без толкований), снабжены цифровыми пометами, указывающими на принцип номинации (1 – по предмету профессиональной деятельности, 2 – действию, 3 – орудию, 4 – обстоятельствам деятельности) и век первой фиксации номинативной единицы. Например: АРМЯЧНИК – 1.16; БЕЛЬНИК – 2.11; ГОРНОВЩИК – 3.17; ПРУДНИК – 4.16. Ею же в докторской диссертации [22] предложено создание машинного словаря профессий с тремя подразделами: ономасиологическим, историческим и многоязычным, в первом из которых она предлагает реализовать заявленный в «Материалах» принцип толкования, но только в текстовой форме. Например: БРАКЕР, БРАКОВЩИК, БРАКОРАЗБОРЩИК – браковать, браковка, бракераж (спец.). Тот, кто бракует, занимается браковкой, бракеражем. Рабочий, мастер, специалист по браковке, бракеражу. Разборщик брака. Контролер [22. С. 317].

Предметом нашего лексикографирования стала производная лексика русского языка конца XVI–XVII вв., называющая лиц по промыслу. Данная группа представлена наименованиями собственно ремесленников (*алмазникъ, басемщикъ, винокуръ, жерноковъ, замочникъ, калачникъ, коваль, котовалецъ, наборщикъ книжного печатного дѣла, оковщикъ, пестрядильный мастеръ, рудознатецъ, скорнякъ, ствольный заварщикъ, шваль, ядерного дѣла мастеръ*), лекарей (*бабушка повивальная, гортанный мастеръ, знахарь, зубоволокъ, кильникъ, конский мастеръ, костоправъ, рудометъ*), музыкантов (*волыночникъ, гудочникъ, свирѣльникъ*), так называемых работных людей (*мельничный засыпка, муконосъ, коровникъ, ложкомоя, пескарь, поливачь, соловолокъ*), торговцев, торговых посредников и откупщиков (*баенщикъ, барышникъ, книгопродавецъ, кузовникъ, ларечникъ, москотильникъ, нутникъ, пролубщикъ, соляной прасолъ, трушникъ*), рыбаков (*аханщикъ, глистникъ, жерлищикъ, заборщикъ, илымщикъ, плавщикъ, челновщикъ*), охотников (*бобровникъ, камышникъ, лебедчикъ, лисичникъ, осотчикъ, перевесникъ, тенетчикъ*). Все эти занятия приписывали податное население государства к социальному разряду промышленных людей, что маркировалось в языке широкой сочетаемостью лексемы *промысел*: *банный, винный, калачный, кузнечный; барышный, торговый; леший, рыбный* и проч. – следствие обычного для этой эпохи совмещения в одном лице производителя продукции и торговца ею, свидетельство выделения ремесленников из среды промысловиков.

Это интересное для России время характеризуется состоянием двойной переходности: от языка русской народности к началу формирования языка русской нации, одновременно – от ремесленной организации труда к мануфактурной. Исследование номинационного потенциала языка, его внутренних ресурсов при назывании промышленников обусловило обращение к производным единицам, самобытность и уникальность которых проявляется в выборе признака представления референта, типе именовательной модели. Всего в корпус словаря вошло около двух тысяч разноструктурных номинем, абсолютное большинство которых называет мужчин и лишь 88 – женщин (*гребенщица, деловица, золотая швейка, кисельница, кружевница, левкасчица, молочница, мытница, просвирня, рубашечница, рудометница, ткалья, тонкопрядица, швея белая, ягодница*).

Работа над данным словарем была начата в связи с изучением НЛП указанного периода в структурно-семантическом, ономасиологическом, частично лексико-стилистическом и ареальном аспектах, представленных в диссертационном исследовании автора 1990 г. [23]. Источниками для нашего исследования стали изданные к тому времени первые 14 томов «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [19], его картотека, опубликованные и рукописные документы конца XVI–XVII в. (см. [23. С. 2]). Приложением к диссертации стал «Толковый словарь наименований промышленников» – 249 страниц машинописи, около 1700 статей (*аксамитникъ – ястребникъ*). В связи с решением подготовить данный труд к публикации его корпус был дополнен словными и иллюстративными материалами, а успехи исторической лексикологии и наработки диахронной терминографии последних лет позволили уточнить некоторые наши прежние дефиниции, породили новые задумки по организации словаря. Настоящая статья призвана представить его обновленный вариант, отметить его специфику по сравнению с другими лексикографическими работами, описывающими промысловую лексику, поскольку именно осмысление опыта предшественников способствовало во многом оптимизации «Словаря наименований промышленников».

Его задачи:

1) максимально полно представить для данного периода развития языка как общий состав НЛП, так и варианты именования того или иного промышленника;

2) дать им ономасиологическое толкование;

3) отразить по возможности регион бытования номинативных единиц тематической группы «Промышленные люди».

Решение первой из них соответствует инвентаризационным задачам диахронной терминографии, призванной фиксировать все лексические единицы того или иного подъязыка – как официальные, так и неофициальные, одинаково значимые в отражении фрагментов материальной и духовной культуры народа [9. С. 33]. Во исполнение данного требования в корпус словаря были включены наименования, во-первых, непоследовательно отражаемые в толковых исторических словарях: а) атрибутивные наименования типа *замочный мастеръ, фитильный варельщикъ, плавильщикъ желѣзного дѣла;* б) имена, реконструированные по отыменным определениям (**гробовникъ, *дощаничникъ*). Во-вторых, в него вошли традицион-

но не описываемые лексикографами фразовые (предикативные) именовательные структуры (*дѣлаетъ кузнечное, промышляетъ рыбной ловлею, сидитъ въ калачномъ ряду, плотничаетъ* и др.[1]).

Подобное представление номинативного материала стало возможным благодаря предварительному выявлению наиболее богатых данными лексемами источников, заставившему сосредоточить основное исследовательское внимание на различных писцовых книгах (дозорных, переписных, сотных, строельных), целью создания которых являлось урегулирование податного обложения в государстве и потому содержащих перепись населения. Сопоставление записей в тексте одной книги, в книгах разных лет по одному городу позволило аргументировать правомочность реконструкции существительных из притяжательных прилагательных. Ср.: *(Лавка) васкинская зелейникова… (лавка) Иванкова котелника… 2 лавки Петруши огородника… (лавка) Михалка пирожникова* (Кн. п. Казани, 60–63. 1565–1568 гг.). Или: *Жена сумошникова* (Яросл. п. кн., 306. 1668 г.), она же: *жена сумошника* (Там же, 454, 1669 г.). Или: *Лавка Микифора Пряжникова* (Кн. доз. Твери. 27. 1616 г.) – *Дворъ Микифора Пряжника* (Там же, 36). Показательно, что [19] подтверждает некоторые наши прошлые реконструкции (**связочникъ, *скобникъ, *стульникъ* и др.), в свою очередь, наш материал свидетельствует о наличии в старорусском языке апеллятивов, поданных авторами [18] в угловых скобках как знак их восстановления из антропонимов: *<бѣлильникъ>, <бочевникъ>, <живодеръ>, <зеркальникъ>, <кочережникъ>* и др.

Памятники различаются манерами писцов в указании на промысел населения. Например, в ростовской переписной книге часто используются описательные конструкции типа *торгуетъ опойки* (Кн. пер. Рост., 39. XVII в.), *дѣлаетъ толокно* (с. 12) или же указывается на промысел отыменными глаголами: *кузнечитъ* (с. 4, 35), *мяснича-етъ* (с. 17), *плотничаетъ* (с. 7), *скорнячитъ* (с. 13) и подобными. Это же характеризует и книги Тулы: *дѣлали гончарное* (Кн. пер. Тулы, 11. 1625 г.); *кропаетъ портное* (Кн. п. Тулы, 70. 1686 г.). Особенностью переписи Китай-города является обозначение промысла через название слободы, в которой проживал промышленник: *Басманной слободы Мишка Остафьев* (Кн. пер. Моск. Китай-гор., 12),

[1] Возможные типы подобных структур см. в [23. С. 5–6].

Хамовной слободы Федька Федоров (13) и др. Употребление в одном ряду со словными и атрибутивными единицами, однозначное соответствие им таких описательных структур указывает на номинативный статус последних: *Во дв(оре) Петрушко Ильинъ с(ынъ), кожевникъ, у нево бр(ат) Янка, дѣлаетъ кожевное* (Кн. пер. Тулы, 10. 1625 г.). Или: *Тимошка строгальникъ, а Гришка кузнешное дѣлаетъ* (Яросл. п. кн., 184. 1646 г.). Или: *Дворишко Захарка Максимова сына Шпилева… дѣлаетъ портное, а ныне на том месте живетъ Иванъ Созонтьевъ, портной мастеръ из Порѣчья* (Кн. пер. Рост., 30. XVII в.). Подобные структуры восполняли номинативную недостаточность лексических средств языка в период выделения разряда торговцев из состава промышленников, когда называние человека *басманником, кожевником, сапожником, портным* или *хамовником* оказывалось не вполне информативным – в том числе для налогообложения: *Преж сего он делал сапоги, а ныне торгует, сидит в сапожном ряду в наемной лавке* (Рус. гос., 98. 1665 г.).

Корпус «Словаря наименований промышленников» представлен разного типа статьями. Чаще – одиночными, если НЛП представлено единственной номинемой (*банделерный мастеръ, ведерникъ, дынникъ, пивоваръ* и др.) или если его номинативные варианты далеко отстоят от него по алфавиту (*волнотепъ* (*шерстобитъ*), *животинникъ* (*прасолъ, скотникъ*), *ямчужный мастеръ* (*селитренникъ*) и др.). Значительная часть единиц (около 2/3), составляющих синонимичный ряд, представлены словарными блоками в 2 и более (до 12) НЛП: *воскобойникъ, воскобойщикъ, вощаникъ, вощебитникъ, вощечникъ; канительникъ, канительница, канительный* (*канительного дѣла*) *мастеръ, канительщикъ; строчникъ, строчного дѣла мастеръ; шапковалъ, шапникъ, шапочникъ, шапочница, шапочный* (*шапочного дѣла*) *мастеръ*. Номинемы располагаются по алфавиту, описательные наименования, если встретились в наших материалах, приводятся после однословных и атрибутивных единиц за знаком # и могут рассматриваться не только как единицы одного лексикографического типа с традиционно выделяемыми, но и одновременно как деривационная база для последних.

Заголовочная единица статьи, в том числе блока, выделяется полужирным шрифтом и толкуется по ономасиологическому типу, отражающему мотив наименования промышленника: **ВЕРЕТЕННИКЪ.** *Тот, кто делает веретена*; **ОТКУПЩИКЪ.** *Тот, кто бе-*

рет на откуп (откупает) какой-л. промысел. При этом поясняются только устаревшие для сегодняшнего состояния языковой системы производящие: **КАРМАЧНИКЪ.** *Тот, кто делает кармаки (удочки) или ловит рыбу с их помощью*; **МИНДЕРНЫЙ МАСТЕРЪ.** *Тот, кто изготовляет миндеры – подушки, тюфяки для саней, карет и др*. **ЯМЧУЖНЫЙ МАСТЕРЪ.** *Тот, кто варит ямчугу – селитру*. Другие вокабулы в блоке толкуются лишь в тех случаях, если они выступают гипонимами или идеографическими синонимами заглавного слова блока. См., напр., толкование номинемы МЫЛЬНЫЙ РѢЗАЛЬЩИКЪ в блоке **МЫЛОВАРЪ,** представленном ниже в образцах словарных статей. Отсылочные толкования даются при единицах, сопровождаемых пометами *женск.*, *уменьш.*, *уничиж.* **РУМЯНЕЧНИЦА,** женск. к РУМЯНЕЧНИКЪ (тот, кто изготовляет и/или продает румяна – красители, косметику); **КРОПАЧИШКА,** уничиж. к КРОПАЧЬ (тот, кто кропает – перешивает, чинит что-л. ветхое: одежду, обувь). Помета *см.*, заключающая статью, указывает на близость семантики, а *ср*. подчеркивает дифференциальные семы близких по значению НЛП, например: БОРТНИКЪ. См. ДРѢВОЛАЗЪ, ср. ПАСЕЧНИКЪ, ПЧЕЛЬНИКЪ; ЖИВОПИСЕЦЪ. См. ИКОНОПИСЕЦЪ; ЛОДОЧНИКЪ. Ср. ЧЕЛНОВЩИКЪ.

При отборе иллюстративного материала предпочтение отдавалось наиболее информативным контекстам, представляющим памятники разных лет и регионов, по возможности не отраженным в [19]. В соответствии со сложившейся в лексикографии традицией контексты приводятся в хронологическом порядке: **ОКОННИЧНИКЪ.** Тот, кто изготовляет окончины – рамы, окна.– *Колмогорец Иван Микитин Оконничник приехал на 2-х лошадех, явил товару: тритцать пятеры гужы моржовых, да 60 окончин слудных з железом, да 60 окончин нитьми шиты*. Там. кн. I, 30. 1634 г. *Оконничник Васка Кривой в съѣзжую избу наклеивал новые паюсы на три окончины*. Астрах. а., № 1622, 3. 1645 г. *Оконнишнику Ивану Андрееву дано за окончину за работу пятнатцат алтнъ, делал он болшую окончину в трапезу к чюлану*. Пам. Влад., 122. 1698 г.

Широкие рамки источниковедческой базы словаря не позволяют указать все памятники, в которых встречается данная номинативная единица, как это принято в [20]. Однако понимание значимости ареальной характеристики слов для диахронного терминоведения и исторической лексикологии в целом привело к компромиссному реше-

нию – отразить в словарной статье факты наличия/отсутствия того или иного НЛП в 31 опубликованной писцовой книге 13 русских городов, материалы которых были расписаны автором и полностью вошли в «Словарь наименований промышленников». Сокращённые обозначения этих источников, для удобства работы выраженные в этой части цифрами, приведены после иллюстраций за знаком +. Так, номер 1 отсылает пользователей словаря к переписи Новгорода (1584 г.); 2 – Пскова (1585–1587 гг.); 3, 4, 5 – Москвы (1668–1676, 1630–1631 и 1656 (Кадашевской слободы), 1695 (Китай-города); 6а, б – Казани (1565–1568, 1646 гг.); 7а, б – Нижнего Новгорода (1621–1622, 1678 гг.); 8 – Балахны (1674–1676 гг.), 9а–в – Устюга (1630, 1676, 1676–1683); 10 – Вязьмы (1646 г.), 11 – Ростова (XVII в.); 12а–г – Ярославля (1646, 1668, 1669, 1671 гг.), 13 – Твери (1616 г.); 14а–е – Тулы (1587–1589, 1625, 1646, 1677, 1669, 1685–1687 гг.); 15а–д – Рязани (1595–1597, 1626, 1646, 1677, 1696 гг.). Отсутствие цифр при НЛП обозначает, что данная единица в указанных книгах не зафиксирована или же встретилась в тех из них, контексты из которых прозвучали в словарной статье.

Например, уже первичный анализ показал, что для обозначения ремесленника, изготавливающего бочки, в ростовской книге используется лексема *бочаръ*, в книгах Нижнего Новгорода – *бочечникъ* и *бочкарь*, Балахны – *бондарь* и **бадейникъ*, Тюмени – *бочкарь* и *кадочникъ*, Казани – *бочарникъ, бочникъ* (1565–1566 гг.) и *бочкарь* (1646 г.). На фоне широкой распространенности в деловых текстах слова *шерстобитъ* в писцовых книгах Ярославля встречаются еще *шерстобой, шерстяной битухъ, шерстяникъ*, а в строельной книге Устюга 1630 г. и некоторых южных памятниках – *волнотепъ*. Высокую значимость подобного маркирования лексики подтверждает развитое номинативное варьирование, представленное в группе НЛП для нашего периода: *гвоздарникъ* (яросл.) – *гвоздарь* (твер., казан.) – **гвоздовникъ* (воронеж.) – *гвоздочникъ* (новг., пск., яросл.), а в тульских документах встречаются *гвоздевого (гвозденого, гвоздильного, гвоздного) дѣла мастеръ, гвоздырь*, а также уже названный *гвоздочникъ*. Не располагая полным материалом по другим источникам, считаем эту информацию предварительной, при этом очень важной для исследований по исторической диалектологии.

Таковы основные элементы статей представляемого словаря, образцы которых приведены ниже.

ЗАЯЧИННИКЪ. Тот, кто выделывает заячьи шкурки – заячины; скорняк. – *Скорнячново ряду Нефедку заячиннику за 14 хребтовъ заячьихъ, по 8 д(енег) за хребетъ.* Кн. прих.-расх. Каз. пр., 138. 1614 г. + 6б

ЗАЯЧНИКЪ. – *Дв. Ермолайка Михайлова сына заечника. А в нем живет митрополичь сын Черников, а он, Ермолка, живет в соседях в Федоровской слободе у Мишки Заечинника.* Кн. п. Казани, 127. 1646 г.

Федька Андреевъ кормитца рукодѣльемъ своимъ скорняжнымъ товаромъ дѣлаетъ заячинишка. / Перепись крестьян Сузд. Покр. м. / Влад. сб., 167. 1661 г.

См. СКОРНЯЖНИКЪ.

***ЛЖИЧНИКЪ.** Тот, кто изготовляет ложки (лжицы). – *2 лав. пус(ты) каменные на поземе Успенья Пречистые вдовы Оксеньицы Олексеевской жены Лжичниковы*. Новг. лав. кн., 2. 1583 г.

ЛОЖЕЧНИКЪ (ЛОШЕЧНИКЪ). – *Ефимко ложечникъ с Пугина здѣлал 100 ложек вязовых*. Кн. расх. Кир. м., OXCIII. 1567–1568 г. *Того же дни тотьмянин Клим да Иван Лошечник продали лошек и ковшев рипчятых на 8 р.* Там. кн. I, 591. 1635 г. *Во дв. Максимко Григорьевъ, лошечникъ*. Кн. п. Уст., 103. 1676–1683 гг.

ЛОЖЕЧНЫЙ МАСТЕРЪ. – *Ондрѣю Ферапонтовскому ложешному мастеру дано казеново жалованья на 7 месяцов 20 алтын.* Кн. расх. Кир. м., OCIII. 1603–1604 г. *Старец Касьян, что в мирѣ был ложечной мастер, дал вкладу 2 рубли.* Там же, OCCCXV. 1610–1611 гг.

ЛОЖКАРЬ. – *Статья по пол 3 алтына: Русинку Лошкарю*. Кн. расх. Кир. м., OCCV. 1606–1607 г. *Дворъ Меркушка Лошкаря*. Кн. доз. Твери, 39. 1616 г.

ЛОТОЧНИКЪ. Тот, кто торгует с лотка. – *Дружинка Ондреевъ, лоточникъ, старинной посадцкой человѣкъ, а ныне сталъ въ воротники*. А. закл., 151. 1643 г. *Мѣсто посадцкихъ людей Ратманка Гарасимова да Оксенка Лотошника в лотошном ряду, оброку 20 алт*. Кн. прих. Нижегор. II, 44. 1646 г. +7а

МЫЛОВАРЪ. Тот, кто занимается изготовлением (и продажей) мыла. – *Во дворе Гришка Парфенов сын Колесников, мыловар*. А. писц. д., 178. 1646 г.

МЫЛОТВОРЕЦЪ. – *Mydlarz. Мылотворецъ*. Лекс. полонословен., 114. 1670 г.

МЫЛЬНИКЪ. – *Устюженин Семен Мыльник сварил мыла 7 вар по пятьдесят косяков в варе*. Там. кн. I, 227. 1635 г. *А за тѣ денги работали оне в лесе у мылника у Мамонка на мыло пепел жгли*. Кн. Ивер. м. II, 200. 1668 г. *Ивашко Мылник явил мыла своего варенья*. РГАДА, ф.214, кн. 594, 513, Томск. 1675 г. + 1 – 4, 6, 7, 9, 11, 12, 14а

МЫЛЬНЫЙ ПРОМЫШЛЕННИКЪ. – *Варит мыло, наймуется у мыльных промышленников*. Рус. гос., 104. 1665 г. *А н(ы)нѣ гсдрь из насъ сирот твоих из мылных промышленников два члвка Микифоръ Степанов да Иван Корнилов… стакався с ним Тимофѣем откупщикомъ учинили зделку*. Пам. Влад., 188. 1666 г.

МЫЛЬНЫЙ РѢЗАЛЬЩИКЪ. Тот, кто режет мыло на куски. – *Во дв. Оска Козмин мылной резалщик*. Яросл. п. кн., 314. 1668 г. (Там же, 412: *Оска Кузмин мылник*).

Варит мыло по найму… Промышляет варит мыло и продает в ряд. Рус. гос., 101. 1665 г. *Бобыль… Малафейко торгуетъ мылишкомъ*. Кн. пер. Рост., 15. XVII в.

ПИРОЖНИКЪ. Тот, кто печет пироги. – *Л(авка) пирожника Филатьева дворника Ратаева – торгует пирогами… Л(авка) хлѣбника Иванова дворника Кирѣева – торгуетъ хлѣбами*. Кн. п. Моск. II, 1075. 1587–1589 г. *Явилъ новгородецъ Давыд Васильев снъ пирожникъ на пироги муки пшеничной чет в новгородцкую мѣру*. Там. кн. Тихв. м. № 1346, 12. 1668 г. *Въ той же харчевнѣ пирожникъ вдовы Ульяны Непоставовой Ярославского уѣзда крестьянинъ Стенька Григорьевъ*. Кн. пер. Моск. Китай-гор., 23. 1695 г. + 1–9, 12–15

ПИРОЖНИЦА. Женск. к ПИРОЖНИКЪ. – *Лав(ка) вдовы Татьянки пирожницы с Лубяницы*. Новг. лав. кн., 96. 1583 г.

ПИРОЖНЫЙ МАСТЕРЪ. – *Хлѣбенной дворъ, а въ немъ… хлѣбниковъ и калачниковъ и пирожныхъ мастеровъ с ·Н҃ человѣкъ*. Котош., 80. 1667 г.

Во дв. Ивашко Дѣевъ с(ын)… печетъ пироги. Кн. пер. Тулы, 6. 1625 г. *Митька Пименовъ сынъ, прозвище Стыруха… а въ Нижнемъ де онъ живучи промышляетъ: пироги печетъ*. А. закл., 197. 1643 г.

СКОРНЯЖНИКЪ. Тот, кто выделывает шкуры, шьет из них одежду (и обувь?). – *А у нее детей Самсонко, да Ивашко, да Левка, скорняжники*. А. писц. д., 174. 1646 г. *(Двор) Дмитрия Еремѣева с(ына) скорняжника*. Кн. пер. Моск. II, 142. 1670 г.

СКОРНЯКЪ. – *Скорнякомъ… дѣлаютъ шубу кунью пластинчату на государевъ обиходъ*. Кн. прих.-расх. Каз. пр., 71. 1614 г. *Скорнякъ 150 шубъ изо всякой рухляди не дѣлывалъ, а дѣлалъ бѣльихъ, и корсочьихъ, и заячьихъ шубъ не много*. Извет о тобол. воев., 12. 1647 г. *Да скорняку Филипу Данилову на квасы къ дѣлу обезьяны 6 денег*. Арх. бум. Петра I, 1687 г. + 1–7, 9–12, 14

СКОРНЯЧНИКЪ. – *Во дворе Офонька Фомин Пенезин, скорняшник*. А. писц. д., 174. 1646 г. *Да въ томъ же Приказе скорнячниковъ и портныхъ мастеровъ съ ·Р҃ человѣкъ*. Котош., 72. 1667 г. *Во дв. Нестерка Мокѣевъ скорняшникъ*. Яросл. п. кн., 364. 1668 г. (Он же: *Нестерко скорнякъ*. 484, 1669 г.). + 3, 10, 12а, б

СКОРЯКЪ. Искаж.? – *А нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Дементей Герасимовъ сынъ, скорякъ*. Кн. пер. Рост, 44. XVII в.

Тѣ деньги дати скорняшного ряду торговымъ людемъ за два заичьи мѣхи. Заб. Быт цариц, 704. 1641 г. *Во дворе Иван Тимофеев… делает скорняшное*. Рус. гос., 93. 1665 г. *Дворишко бобыля Гришки Ерофеева … скорнячитъ*. Кн. пер. Рост., 13. XVII в. ? *Дворишко бобыля Мартюшки Пятово сына Сырова… подшиваетъ скорни*. Там же, 41.

ЧЕБОТАРЬ. Тот, кто шьет обувь (чеботы, башмаки, сапоги). – *Елецкой казак Истома Олексинец с своим семьянином з Богдашкою Чеботарем х празднику… вина скурит(ь) осмину <явились>*. Южн. там., 46. 1615 г. *Чеботарю Омельяну Иванову на день корму 8 ден., правилъ и чистилъ государю патриарху чеботки*. Мат. Москвы I, 953. 1637 г. *Подлѣ его жъ другая лавка его жъ, Тихонка Васильева, въ лавки сидятъ чеботари… На томъ же дворѣ государевы чеботники Кондрашка Михайловъ съ товарищемъ*. Кн. пер. Моск. II, 100–101. 1669 г. + 3, 14

ЧЕБОТНИКЪ. – *Въ томъ сафьяне сделаны государю патриарху сапожки да башмачки, а делалъ те сапожки, башмачки тотъ же чеботникъ*. Д. моск. пр. о мятежах, 68. 1648 г. *А Иванъ чеботникъ у насъ, почитай, скованъ сидитъ, денно и нощно дѣлаетъ башмаки*. Заб. Быт цариц, 761. 1682 г. *Дано… чеботнику Ивану Мишатину къ осмнадцатерымъ великаго государя потѣшнымъ къ чеботамъ по 5 алтынъ къ чеботамъ*. Арх. бум. Петра I, 125. 1691 г. 3–5

ЧЕБОТНОЙ МАСТЕРЪ. – *Васюк Иванов чеботной мастер живет на Павлове улицы в суседях у розсыльщика у Нечая у Гогояева*. Новг. лав. кн., 184. 1583 г. *Отъ Смоленскихъ же воротъ избушки,*

гдѣ мастеровые люди сидятъ – чеботные мастеры и портные мастеры. Кн. пер. Моск. II, 40. 1670 г. *Шили в платяную казну наемъные чеботные мастеры Митка Кила с товарищи 30-ры сапоги исцеловые и от шитья имъ дано 15 алтынъ*. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 3. 59. 1646 г.

ЧЕБОТНОЙ МАСТЕРОКЪ, уменьш. к ЧЕБОТНОЙ МАСТЕРЪ. – *Чеботной мастерок Карпушка Жданов шыл шестеры поршни*. / Кн. прих.-расх. Макар. дер. / Арх. Он. 1665 г.

ЧЕБОТНОЙ ШВАЛЬ. – *Чеботному швалю Федосею Игнатьеву выдано денежное жалованье… по двѣ гривны на мѣсяц*. /Кн. прих.-расх. мон. казн./ Арх. Он. 1665 г.

ЧЕБОТНОЙ ШВЕЦЪ. – *Чеботной швец Федотка Гладкий шил в монастырь сапоги братцкие*. / Кн. прих.-расх. мон. казн. / Арх. Он. 1662 г.

ЧЕБОТНОЙ ШЕВЧИКЪ, уменьш. к ЧЕБОТНОЙ ШВЕЦЪ. – *Чеботной шевчик шыл в службу женские сапоги одне изцеловые да двои пришитки да мужские пришытки*. Кн. прих.-расх. Онеж. м. 1661 г.

Кормятца работою шьют чеботное. РГАДА, ф. 214, кн. 1161. 42 об. Тоб., 1698.

См. БАШМАЧНИКЪ, ПОРШЕВНИКЪ, САПОЖНИКЪ

Отметим в заключение, что создание полного и систематического очерка русской исторической лексикологии продолжает оставаться одной из насущных задач отечественной лингвистики. Основу обобщающего труда по истории лексики должны составить труды по описанию словарного состава памятников различных регионов Русского государства, а также ряда тематических объединений. Именно в изучении лексического состава тематических групп видел Ф.П. Филин пути создания общего курса истории лексики, ибо он лучше всего раскрывает объективно существующие связи языка с действительностью [24. С. 225]. Результаты подобных исследований вполне логично закрепляются в диахронных лексикографических трудах. Отличительная черта подготовленного к печати «Словаря наименований промышленников» – отражение в нем «номинационной кухни» языка этого периода, проявившейся в актуализации внутренних языковых ресурсов при создании продукта номинации. Широкое «многоименство», отличающее данную тематическую

группу, обусловлено возможностями выбора языком признака представления референта и структуры именования[1]. Вполне возможно, что это качество номинативной системы имело региональные особенности проявления, что позволяет считать локальные указатели при толкуемых единицах словаря первым шагом на пути к решению этой проблемы, требующим, несомненно, проверки материалами других источников.

Полагаем, на данный момент это наиболее полный словарь, отражающий НЛП русского языка позднего Средневековья. Работа с информативными источниками, включение в их круг ряда неопубликованных памятников, прежде всего сибирских, пристрастный тематический отбор языковых единиц при «сплошном» чтении «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (т. 1–28) и его картотеки позволяют дополнить корпус последнего значительным количеством единиц. В их числе: *ботный мастеръ, бочарь, браговой* (сущ.), *буерного дела мастеръ, бумажникъ, вожельникъ, волнотепъ, волынщикъ, вощебитникъ, глинникъ, гречневичникъ, гробникъ, гудочница, дроворубъ, дудникъ, дымарь, засыпала, зипунникъ, золотознатецъ, игольничникъ, каменоломецъ, каменоломщикъ, каменщица, капканщикъ, кичникъ, подрыбникъ, подпружникъ, подсѣвальникъ, подхомутникъ, подшивала, поливачь, приимальная бабка, пряженникъ, пряжникъ, ременопродавецъ, самострѣльникъ, сапожный* (сущ.), *сарайникъ, свѣтчий, сежникъ, скорняжникъ, скорякъ, сладосторникъ, солодеженный* (сущ.), *стекольный мастеръ, суконщикъ* и др., всего около 150. Представляемый терминологический словарь позволяет также корректировать семантику, временн**ы**е и региональные рамки бытования некоторых слов, отраженных в [19]. Так, наши материалы выявляют не отмеченные ранее лексикографами значения у слов *лодочникъ* – ‘тот, кто использует при ловле рыбы лодку’; *неводчикъ* – ‘тот, кто изготовляет неводы’ и некоторых других. См.: *И намъ <…> рыбнымъ ловцомъ, промышленникомъ, лодочникомъ и челновщикомъ <…> отъ тое рыбные ловли не отыматца*. ДАИ VI, 277. 1673 г.; *Сенка Дмитрѣевъ невотчикъ <…> Отца де у нихъ звали Сенкою Дмитрѣевымъ, прозвище Глупена, вязалъ де неводы на монастырь*. А. закл., 252. 1643 г. В свою очередь, иллюст-

[1] Так, тот, кто занимался рыбной ловлей, мог быть назван *рыбакъ, рыбарь, ловецъ, рыбный ловецъ, рыболовъ* или же, например, по орудиям лова: *аханщикъ, кереводчикъ, неводчикъ* и др.

рации при *игольникъ, колошникъ, лавочникъ* и *калижникъ, ночникъ, однорядочникъ* расширяют время существования слов и их ареал.

Безусловно, он пополнит и корпусы других словарей, ограниченных их составителями областными, стилистическими, хронологическими рамками или же списком источников. В их числе создаваемый «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.», в выпусках которого (А–И; К–О) отсутствует большое количество НЛП, часть из них, по нашим данным, зафиксирована в документах этого региона (*забойникъ, звѣровщикъ, зеленщикъ, калитникъ, кружечникъ* и др.), а некоторые могут быть отнесены к нему, поскольку производящие для них вошли в словник [18], например *вандышникъ* (есть ВАНДЫШЪ – т. 1, с. 66). «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [20], в который вошли материалы [18], восполняет «купюры» последнего, но лишь частично, поскольку использует ограниченный список опубликованных источников [20. С. 19–29]: например, в нем указаны писцовые книги только двух городов – Новгорода и Пскова. В частности, сверка на буквы А–Б показала отсутствие в [20] слов *аксамитникъ, армячникъ, бобровщикъ, броздочникъ, бугорщикъ, булавочникъ*, всего около 70.

В свою очередь, каждый из названных исторических лексикографических трудов дополнил представляемый «Словарь наименований промышленников» интересным номинативным материалом. Прежде всего это относится к фундаментальному, наиболее полному из диахронных «Словарю русского языка XI–XVII вв.», последние тома которого позволили включить в нашу работу единицы *проскурецъ, проскурнякъ* (т. 20), *пряха, пушенникъ, пушечникъ* (т. 21), *рѣзальникъ, ремесленникъ, роговникъ* (т. 22), *рудометщикъ, рыболовецъ* (т. 23), *секачь, серебреница, скатертница* (т. 24), *смоляникъ* (т. 25), *солобой, соловарка* (т. 26), *срѣброкузнецъ* (т. 27), *стекларь, стекляръ, стекольникъ, стекляничный мастеръ, стружникъ* (т. 28) и некоторые другие. «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» дополнил наши материалы такими НЛП, как *ѣзовникъ, дульщикъ, зольникъ, исадникъ* (вып. 1), *карбасный плотникъ, киверникъ, колокольщикъ, котовикъ, эфесный мастеръ* (вып. 2), а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» – *бабка небовольна, блюдомоя, браковальникъ, брусоносъ, бубенникъ, бубникъ* (вып. 1) и др.

Эти факты не только демонстрируют взаимодополняемость разных словарей, но и свидетельствуют о научной целесообразности разработки их новых типов.

Литература

1. *Фельде О.В.* Историческое терминоведение и историческая лексикология русского языка как автономные отрасли русистики // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). – Вып. 3: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Междунар. филол. конф., 12–16 марта 2007 г. – СПб., 2008.– С. 90–97.

2. *Виноградов В.В.* Вступительное слово // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюз. терминологического совещ. – М., 1961. – С. 3–10.

3. *Борхвальдт О.В.* Историческое терминоведение русского языка. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – 200 с.

4. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. – М.; Л.: Наука, 1975. – 351 с.

5. *Березина О.Е.* Два тематических лексикона начала XVIII в.: сравнительная характеристика // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Л.: Наука, 1980. – С. 6–22.

6. *Замкова В.В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Л.: Наука, 1980. – С. 90–101.

7. *Литвинов М.И.* Ремесленно-промысловая терминология в словаре В.И. Даля: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1955. – 15 с.

8. *Моисеев А.И.* Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка // Современность и словари. – Л.: Наука, 1978. – С. 149–158.

9. *Фельде О.В.* Историческая терминография русского языка: этапы становления и перспективы развития // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 33–38.

10. *Борхвальдт О.В.* Словарь золотого промысла Российской империи. – М.: Русский путь, 1998. – 240 с.

11. *Указатель* источников рукописной древнерусской картотеки (картотеки ДРС) и Словаря русского языка XI–XVII вв. // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. – М.: Наука, 2004. – С. 265–390.

12. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

13. *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России / ред. Б.Д. Греков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.

14. *Андреев А.И.* Терминологический словарь частных актов Московского государства. – Пг., 1922. – 54 с.

15. *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2 т. – СПб., 1843–1844.

16. *Богословский С.М.* Система профессиональной классификации. – М., 1913. – 747 с.

17. *Сорокин Ю.С.* Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. – Л.: Наука, 1984. – С. 4–27.

18. *Словарь* промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. – Вып. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003–2005.

19. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

20. *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – Вып. 1–6. – СПб.: Наука, 2004–2014.

21. *Шкатова Л.А.* Развитие ономасиологических структур (на материале наименований лиц по профессии в русском языке). – Иркутск, 1984. – 150 с.

22. *Шкатова Л.А.* Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-ономасиологический анализ): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. – 31 с.

23. *Старикова Г.Н.* Тематическая группа «промышленные люди» в русском языке конца XVI–XVII в. (ономасиологический и лексикографический аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1990. – 20 с.

24. *Филин Ф.П.* О лексико-семантических группах слов // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания: Избр. тр.: к 100-летию со дня рождения. – М., 2008. – С. 221–234.

DESIGNATIONS OF PERSONS BY WORK AND THEIR PRESENTATION IN HISTORICAL TERMINOGRAPHY.

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 52–74. DOI 10.17223/22274200/7/4

Starikova Galina N., Tomsk State University (Tomsk, Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Keywords: diachronic dictionaries, terminology, designations of persons by their work, historical lexicology.

Special vocabulary closely connected with the material culture of society demonstrates the social character of the language to the full. According to the numerous works on this topic (V.V. Zamkova, M.I. Litvinov, A.I. Moiseev, O.V. Felde, etc.), it is of particular research interest for linguists both in the statics of a definite period system and in the diachronic dynamics. The successes of terminology studies are directly linked with the lexicographic description of terms: the qualitative research of special vocabulary is the basis for the profound and complete dictionaries which are the source for new investigation aspects of the given language material.

The study of the articles has shown that there is no long history of a special lexicographic description of designations of persons by their profession in the Russian language studies, though these designations are isolated and very inconsistently included into many early interpretive dictionaries. The study has also revealed the perspectives of its inclusion into the dictionaries of onomasiological type (L.A. Shkatova, O.V. Borhvaldt). This way of the given vocabulary group interpretation gets particular importance in the works based on the past epochs language material.

The author's *Dictionary of Industrialist Designations* presented in the article is based on the Russian language material of the late 16th and 17th cc. and includes more than one thousand and five hundred headwords naming craftsmen, tradesmen, fishermen and hunters. The specific features of the Dictionary are: 1) the extension of the dictionary frame due to the reconstructions of words out of surnames (*grobovshchik, *doshchanichnik) and

inclusion of phrase (predicative) nominating structures into its entries ((he) brews beer, forges, fishes in a particular area of water, etc.); 2) the regional characteristics of the headwords are reflected in it. The first peculiarity corresponds to the inventory tasks of the diachronic terminography, the second one to the urgent demands of the historical lexicology of the Russian language.

Nowadays it is the most complete diachronic dictionary of designations of persons by work, a significant part of which consists of the unique language material. For example, about 150 of its words are absent in *The Russian Language Dictionary of the 11th–17th cc.* This fact not only shows that different dictionaries mutually complete one another, but also confirms the scientific expedience of the creation of their new types.

References

1. Fel'de, O.V. (2008) [Historical terminology studies and historical lexicology of the Russian language as autonomous branches of Russian Studies]. *Russkoe slovo v istoricheskom razvitii (XIV–XIX vv.)* [Russian word in historical development (14th–19th centuries)]. Is. 3: Proc. of the Section "Historical Lexicology and Lexicography" of the XXXVI International Philological Conference. 12th to 16th March 2007. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 90–97.

2. Vinogradov, V.V. (1961) Vstupitel'noe slovo [Foreword]. In: *Voprosy terminologii: Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya* [Terminology: Materials of All-Union meeting on terminology]. Moscow: USSR AS.

3. Borkhval'dt, O.V. (2000) *Istoricheskoe terminovedenie russkogo yazyka* [Historical terminology studies in the Russian language]. Krasnoyarsk: RIO KGPU.

4. Kovtun, L.S. (1975) *Leksikografiya v Moskovskoy Rusi XVI – nachala XVII v.* [Lexicography in Muscovy Rus of the 16th – early 17th centuries]. Moscow – Leningrad: Nauka.

5. Berezina, O.E. (1980) Dva tematicheskikh leksikona nachala XVIII v.: sravnitel'naya kharakteristika [Two thematic lexicons of the beginning of the 18th century: comparative characteristics]. In: Kutina, L.L. & Birzhakova, E.E. (eds.) *Slovari i slovarnoe delo v Rossii XVIII v.* [Dictionary and dictionary business in Russia in the 18th century]. Leningrad: Nauka.

6. Zamkova, V.V. (1980) Spetsial'naya leksika v Slovare Akademii Rossiyskoy (leksika remesel) [Special vocabulary in the Dictionary of the Russian Academy (vocabulary of crafts)]. In: Kutina, L.L. & Birzhakova, E.E. (eds.) *Slovari i slovarnoe delo v Rossii XVIII v.* [Dictionary and dictionary business in Russia in the 18th century]. Leningrad: Nauka.

7. Litvinov, M.I. (1955) *Remeslenno-promyslovaya terminologiya v slovare V.I. Dalya* [Artisan-fishing terminology in V.I. Dahl's Dictionary]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

8. Moiseev, A.I. (1978) Naimenovaniya lits po professii i tolkovye slovari sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [v]. In: Sorokoletov, F.P. & Filin, F.P. (eds.) *Sovremennost' i slovari* [Modernity and dictionaries]. Leningrad: Nauka.

9. Fel'de, O.V. (2012) Historical terminography of Russian language: timeline and prospects for development. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*. 2. pp. 33–38. (In Russian).

10. Borkhval'dt, O.V. (1998) *Slovar' zolotogo promysla Rossiyskoy imperii* [Dictionary of Gold Mining of the Russian Empire]. Moscow: Russkiy put'.

11. Anon. (2004) Ukazatel' istochnikov rukopisnoy drevnerusskoy kartoteki (kartoteki DRS) i Slovarya russkogo yazyka XI–XVII vv. [Index of sources of ancient Russian handwritten files (Dictionary of Ancient Russian files) and the Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. In: Bogatov, G.A. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Reference Book. Moscow: Nauka.

12. Dubichinskiy, V.V. (2008) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Moscow: Nauka: Flinta.

13. Kochin, G.E. (1937) *Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii* [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia]. Moscow – Leningrad: USSR AS.

14. Andreev, A.I. (1922) *Terminologicheskiy slovar' chastnykh aktov Moskovskogo gosudarstva* [Glossary of private acts of the Moscow State]. Petersburg.

15. Burnashev, V.P. (1843–1844) *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [Experience of a terminological dictionary of agriculture, factory, crafts and folk life]. 2 v. St. Petersburg: tipografiya Zhernakova.

16. Bogoslovskiy, S.M. (1913) *Sistema professional'noy klassifikatsii* [The system of professional classification]. Moscow: Gubernskoye Zemstvo.

17. Sorokin, Yu.S. (1977) Chto takoe istoricheskiy slovar'? [What is the historical dictionary?]. In: Sorokin, Yu.S. (ed.) *Problemy istoricheskoy leksikografii* [Problems of historical lexicography]. Leningrad: Nauka.

18. Chaykina, Yu.I. (ed.) (2003–2005) *Slovar' promyslovoy leksiki Severnoy Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of commercial vocabulary of Northern Russia of the 15th–17th centuries]. Is. 1–2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

19. Bogatov, G.A. (ed.) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 1–28. Moscow: Nauka.

20. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004–2014) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of everyday Russian language of Moscow Rus in the 16th – 17th centuries]. Is. 1–6. St. Petersburg: Nauka.

21. Shkatova, L.A. (1984) *Razvitie onomasiologicheskikh struktur (na materiale naimenovaniy lits po professii v russkom yazyke)* [Development of onomasiological structures (based on the names of people by profession in the Russian language)]. Irkutsk: Irkutsk State University.

22. Shkatova, L.A. (1987) *Terminologicheskie naimenovaniya lits v russkom yazyke (istoriko-onomasiologicheskiy analiz)* [Term names of persons in the Russian language (historical-onomasiological analysis)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Sverdlovsk.

23. Starikova, G.N. (1990) *Tematicheskaya gruppa "promyshlennye lyudi" v russkom yazyke kontsa XVI—XVII vv. (onomasiologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty)* [Thematic group "industrial people" in Russian of the end of the 16th and 17th centuries (onomasiological and lexicographical aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

24. Filin, F.P. (2008) O leksiko-semanticheskikh gruppakh slov [On the lexical-semantic groups of words]. In: Filin, F.P. *Ocherki po teorii yazykoznaniya. Izbrannye trudy: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Essays on the Theory of Linguistics. Selected works: the 100th anniversary of the birth]. Moscow: Boslen.

ПЕРСОНАЛИИ

DOI 10.17223/22274200/7/5

ТАМАРА СЕРГЕЕВНА КОГОТКОВА (ПАМЯТИ ЛЕКСИКОГРАФА)

Нам отказано в долгой жизни; оставим труды, которые докажут, что мы жили!

Плиний Младший

13 февраля 2015 года ушла от нас Тамара Сергеевна Коготкова, доктор филологических наук, специалист по русской диалектологии, терминологии, лексикологии, лексикографии, культуре русской речи. Старший научный сотрудник (1972), ведущий научный сотрудник (с 1986) Института русского языка АН СССР (позднее: РАН). Её памяти посвящается эта работа.

Тамара Сергеевна родилась в 1922 г., в Рязани, в конце 20-х гг. семья Коготковых переехала в Подмосковье. Она училась в Солнечногорской школе № 1 у своей матери, учительницы начальных классов. После окончания (1940) школы поступила в Московский институт истории, философии литературы (МИФЛИ), позднее слившийся с Московским государственным университетом (МГУ) [1. Кн. 2. С. 107]. Война… Младшая сестра Евгения Сергеевна добровольцем уходит на фронт. Рытьё окопов, дежурство на крышах домов… И вдруг – задержание НКВД. Потом выяснилось, что по ошибке. Уже в студенческие годы её привлекает русская диалектология, дипломная работа написана под руководством профессора Р.И. Аванесова. После университета была учительницей русского языка и литературы в родной Солнечногорской школе № 1 и продолжила учёбу в аспирантуре Института языкознания АН СССР (1948–1951). Учёную степень кандидата филологических наук получила за диссертацию «Утрата интервокального J и стяжение гласных в русских говорах» (1953). С октября 1952 г. по распределению два года работала в Ленинграде

в словарном секторе Института языкознания АН СССР в должности младшего научного сотрудника над составлением 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (авторские разделы в 7-м и 8-м томах) [1. Кн. 2. С. 108]. Словарь в 1970 г. был удостоен Ленинской премии. В 1954 г. Коготкова была переведена в Москву в помощь члену-корреспонденту АН СССР С.Г. Бархударову для подготовки к изданию 4-томного «Словаря русского языка». В то же время она выполняла функции учёного секретаря Научного совета по лексикографии при Отделении литературы и языка (ОЛЯ) АН СССР. Р.И. Аванесов и С.Г. Бархударов были наставниками Тамары Сергеевны.

Разворачивается работа по подготовке региональных диалектных словарей. В 1960 г. опубликован коллективный труд – «Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка», в котором Тамара Сергеевна не только принимала участие как автор ряда разделов, ей принадлежит также организационная и редакторская роль (совместно с Е.А. Некрасовой) [1. Кн. 2. С. 107].

В Институте русского языка приступают к созданию «Словаря современного русского народного говора д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области» [2]**.** Деулино (также Уржа) – посёлок (деревня) в 40 км к северо-востоку от Рязани. Посёлок находится непосредственно на территории Мещёрского национального парка.

Руководитель группы диалектологов-лексикографов Иосиф Антонович Оссовецкий выделяет два этапа в работе над Деулинским словарем: первый – выбор территории с более или менее однородными говорами. Обратились к рязанской Мещере потому, что почти отсутствовали словари южновеликорусских говоров; в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957) эта территория отграничивается пучком важнейших изоглосс, не имеет островного характера, может рассматриваться как типично южновеликорусская (восточной группы). Но среди исследователей только Тамара Сергеевна была рязанкой. Несомненно, её мнение сыграла роль при выборе территории.

Второй этап – выбор отдельного населённого пункта. После первых экспедиций остановились на деревне Деулино. Работа над рязанским словарем длилась более шести лет. Это необычное для того времени издание, как теперь говорят, пионерское. До этого издава-

лись в основном сводные диалектные словари, охватывающие значительную территорию. Этот словарь должен был демонстрировать одну диалектную систему, реально используемую в процессе коммуникации. Тот факт, что слова функционируют в одной системе, предполагает выделение внутрисистемных отношений. Тип словаря был неординарным: этот словарь не дифференциальный и не полный. Он фиксирует лексику, специфическую для говора по сравнению с литературным языком, и слова общенародного словника, которые в своей структуре имеют какие-либо отличия от литературного языка. Было выдвинуто понятие лексического дифференциального признака, и их насчитывалось восемь. Это очень тонкие отличия от лексико-семантической системы литературной речи. Сбор материала проводился только сотрудниками Института русского языка путём интенсивного собирания лексики в противовес экстенсивному, впервые был разработан и описан Т.С. Коготковой «метод включения в языковое существование». У каждого был свой участок работы – он отвечал за свой конец деревни, при обработке лексического материала за свои словарные статьи. Больше всех экспедиционных часов и словарных статей было у Тамары Сергеевны. Ей принадлежит обработка слов, начинающихся с букв Е, Ж, М, Н, О, Р, Ш, Щ [3].

Завершив словарь, лексикограф продолжила работать над обобщением диалектных материалов. Пишутся статьи, и в 1979 г. издана монография «Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы)» [4], которую она посвящает своей матери – Любови Архиповне Коготковой (чего сумела добиться с большим трудом), защищена докторская диссертация. В 1973 г. О.И. Блинова издала материалы для спецкурса «Введение в современную региональную лексикологию». В 1982 г. пишет монографию «Лексика современных русских народных говоров» И.А. Оссовецкий. Работа Тамары Сергеевны при этом остаётся оригинальной и не теряет своего значения до настоящего времени.

Опыт полевой работы, работы лексикографа позволил ей сделать интересные наблюдения. Например, она уловила в живой речи регулярный возврат с возрастом к материнским, первичным словам и формам слов (начинала говорить об этом на материале говоров территорий позднего заселения Ф.Л. Скитова). Впервые Т.С. Коготкова заговорила о перспективной диалектологии, о возможности по на-

родным говорам, в которых отсутствует кодифицированная норма, предвидеть путь развития литературного языка. Одной из первых в стране Тамара Сергеевна обратила внимание на индивидуальный словарный запас отдельного носителя диалекта. Ею была высказана мысль об инвариантной общности литературного слова и диалектного, сделаны тонкие замечания о процессе влияния литературного языка на диалект: через смену предметно-понятийного фонда, изменение членения внеязыковой действительности, наличие так называемых вторичных заимствований, через регулярность различий между собственно диалектной речью (деревенской) и городской (литературной), которая становится содержанием оценочного чувства и из проявления индивидуального, единичного перерастает в массово-групповое и, таким образом, является «существенным фактором в поступательном развитии говоров» [4. С. 13]. Также одной из первых Т.С. Коготкова отметила непростые отношения просторечия и диалекта в деревенской речи, «яркое своеобразие диалектного слова – диффузию его семантики, под которой понимается такое свойство её, когда отдельные, частные смыслы слова, элементы, так взаимно проникают друг в друга, что их трудно расчленить на самостоятельные значения» [4. С. 19], и т.д. Вслед за Д.Н. Шмелёвым на примере регулярных переносов значения при освоении литературного слова исследователем показано, что метонимия представляет собой явление не словарное, а семантико-синтаксическое. В области лексикографии она развивает мысль И.А. Оссовецкого о существенном изменении отношений между значением и употреблением в диалектном словаре, о праве существования в словаре так называемых потенциальных слов, индивидуального словотворчества, о «словообразовательном безразличии» в системе говора.

Опережающий характер диалектной лексикографии по сравнению с литературной был отмечен Т.С. Коготковой еще в 1979 г. не как реальное существование словарей более разнообразных типов, а как такая возможность. Опираясь на высказывание Б.А. Ларина о способности диалектных словарей «провести группировку слов по любому принципу, по любой научной или практической надобности», учёный заключает, что синхронная диалектная лексикография «обращена к разработке лексико-семантических вопросов и проблем разной сложности, которые исследуются на материале современных литературных языков», «словарная база современной диалектной

лексикографии безгранична», «по мере накопления фактических материалов по диалектной лексике, а также поступательного развития теоретической лексикологии ширятся задачи современной диалектной лексикологии, отличительной особенностью которой является стремление быстро отозваться на самые современные дискуссионные проблемы науки» [4. С. 33, 53, 54, 55].

Известна книга Т.С. Коготковой «Письма о словах» [5]. Это итог многолетней работы автора с письмами трудящихся. Основной состав писем связан со словами и словоупотреблением. Все письма подлинные; вопросы сохраняются в сформулированном авторами писем виде. Профессионально-лингвистическая аргументация в них направлена на то, чтобы вскрыть и показать читателю всю сложность и противоречивость условий, в которых живет слово в языке.

Её внимание привлекает лингвистическое терминоведение, а именно те термины, основа которых лежит в народных говорах. Языковым источником книги «Национальные истоки русской терминологии» [6] явились тексты терминологических и отраслевых стандартов. В работе показано, что народно-диалектные по происхождению термины успешно функционируют в профессиональной терминосистеме. До этого исследования считалось, что основа русской терминологии – заимствования, а народно-разговорная лексика в системе не приживается. Когда стали раздаваться голоса за отделение этнографизмов и промысловой терминологии от диалектной лексики в силу того, что их территориальное варьирование проблемно, она решительно выступила против. По её убеждению, народная предметная (материальная) культура и духовная, выраженная в слове, не могут быть разделены. Промысловую терминологию Тамара Сергеевна называла «своеязычной», так как она обычно широко известна носителям говора, не имеет социальной ограниченности.

Многие обращаются к её статье «Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» [7]. Как и Е.Ф. Петрищева, Т.С. Коготкова считала внелитературную лексику особым стилистическим феноменом русского литературного языка. Наблюдения за сценической речью показали, что актёры стилизуют не какую-либо определённую диалектную систему, а деревенскую речь вообще, чаще ту, которая связана с воспоминаниями детства. Интересно, что ни исполнители ролей, ни режиссёр не понимали, что это «разнобой». Тамарой Сергеевной (при моём участии) было проведено ан-

кетирование зрителей на нескольких спектаклях с годичным интервалом. Оно показало, что зрители если и понимают диалектную лексику текста, то на уровне тематической группы (из общего контекста), но совершенно этого не осознают.

Тамара Сергеевна принимала участие во многих научных конференциях, координационных совещаниях и симпозиумах. Охотно ездила в Сибирь, любила Томск. Была «полномочным представителем сибиряков» в Институте русского языка. К ней обращались за советом и молодые, и маститые.

Одна из последних конференций, в которой она участвовала, посвящена творчеству Фёдора Ивановича Тютчева (2004). Она выступала с докладом «О необычной судьбе одной поэтической строфы Тютчева»:

Во имя Правды и Науки
Здесь память верную храним...

Тамара Сергеевна эту цитату обнаружила в 2001 г. в Минералогическом музее. Но о чём идёт речь у поэта? В стихотворении **«**Он, умирая, сомневался…**»,** посвященном памяти Ломоносова, говорится: «…*Здесь память* ***вечную гласим***». Учёный соотносит высказывание с возгласом заупокойной или поминальной церковной службы. Т.С. Коготкова выяснила, что сотрудники Минералогического музея намеренно «отредактировали» Тютчева, чтобы его стихи соответствовали содержанию экспозиции.

Последние годы она участвовала в традиционных Срезневских чтениях в Рязани, в юбилейных торжествах, посвящённых Деулинскому словарю, работала председателем экзаменационной комиссии, оппонировала и консультировала. В 2012 г. с группой учёных побывала на могиле Измаила Ивановича Срезневского в д. Срезнево. Любила музыку, театр, из певцов особо выделяла Елену Образцову. До последнего времени с удовольствием ездила на экскурсии по памятным местам Подмосковья. В последние годы жизни стала воцерковленной православной. Книги Тамары Сергеевны Коготковой, её статьи востребованы в наше время: они активно цитируются, выставлены в Интернет.

Мне долгие годы она была добрым другом.

Литература

1. *Коготкова* Тамара Сергеевна // Юдакин А.П. Славянская энциклопедия: Теоретическое, прикладное и славянское языкознание: в 3 кн. – М., 2005. – Кн. 2. – С. 107–108.

2. *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / сост.: Г.А. Баринова, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова, И.А. Оссовецкий, В.Б. Силина, К.П. Смолина; под ред. И.А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969. – 614 с.

3. *Чекурин Л.В*. Рязанская «наречница» (Свой юбилей отмечает одна из составительниц Деулинского словаря) // Рязанские ведомости: областная общественно-полит. газета. – 2012. – 11 дек. – № 231 (4282) http://rv-ryazan.ru/news/17271.html

4. *Коготкова Т.С*. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). – М.: Наука, 1979. – 334 с.

5. *Коготкова Т.С*. Письма о словах. – М.: Наука, 1984. – 137 с.

6. *Коготкова Т.С*. Национальные истоки современной русской терминологии. – М.: Наука, 1991. – 119 с.

7. *Коготкова Т.С*. Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» // Культура речи на сцене и на экране. – М.: Наука, 1986. – С. 90–125.

Л.Г. Самотик,
д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева.
E-mail: samotiklg@mail.ru

TAMARA KOROTKOVA (IN MEMORY OF THE LEXICOGRAPHER).

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 75–82. DOI 10.17223/22274200/7/5

Samotik Ludmila G., V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: samotiklg@mail.ru

References

1. Yudakin, A.P. (2005) Kogotkova Tamara Sergeevna. In: Yudakin, A.P. *Slavyanskaya entsiklopediya: Teoreticheskoe, prikladnoe i slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Encyclopedia: theoretical, applied and Slavic linguistics]. V. 2. Moscow: Znak. (In Russian).

2. Ossovetskiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of Contemporary Russian Folk Dialects (v. Deulino, Ryazan District, Ryazan Oblast)]. Moscow: Nauka.

3. Chekurin, L.V. (2012) Ryazanskaya "narechnitsa" [Ryazan "Fairy"]. *Ryazanskie vedomosti*. 231 (4282), 11 December. Available from: http://rv-ryazan.ru/news/17271.html.

4. Kogotkova, T.S. (1979) *Russkaya dialektnaya leksikologiya (sostoyanie i perspektivy)* [Russian dialect lexicology (state and prospects)]. Moscow: Nauka.

5. Kogotkova, T.S. (1984) *Pis'ma o slovakh* [Letters about words]. Moscow: Nauka.

6. Kogotkova, T.S. (1991) *Natsional'nye istoki sovremennoy russkoy terminologii* [The national origins of modern Russian terminology]. Moscow: Nauka.

7. Kogotkova, T.S. (1986) Vneliteraturnaya leksika v drame V. Rasputina "Posledniy srok" [Extraliterary vocabulary in the drama of V. Rasputin "Deadline"]. In: Kuznetsova, L.N. & Skvortsov, L.I. (eds.) *Kul'tura rechi na stsene i na ekrane* [Culture of speech on stage and on screen]. Moscow: Nauka.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/22274200/7/6

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО СЕВЕРА

Рецензия на книгу: **Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. – Вып. 1–15. – 1980–2013.**

Архангельский областной словарь содержит уникальный материал, собран-ный филологами кафедры русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В словарь включены ценнейшие факты народной речи, отражающие духовную и материальную культуру русского народа, необходимые как для лингвистических исследований, так и для исследований по русскому фольклору, этнографии, истории.

Для специалистов-филологов, историков, учителей, студентов и всех любящих и изучающих речь русского народа.

Поводом для разговора об Архангельском областном словаре (АОС) послужил недавний выход в свет очередного, 15-го тома Словаря, первый выпуск которого был осуществлён в 1980 г. Так что 2015 г. можно считать своего рода «круглой датой» с начала реализации, как теперь принято говорить, масштабного проекта московских лексикографов. Точкой его отсчёта стал конец 50-х годов прошлого века: в это время в нашей стране с новой силой вспыхивает интерес к изучению лексики русских народных говоров, и ведущие научные центры, а также вузы включаются в работу по собиранию материала для региональных словарей. Именно к этому времени относятся первые экспедиционные выезды кафедры русского языка филологического факультета МГУ на территорию Русского Севера. С них началось создание уникального собрания архангельской диа-

лектной лексики, которое сегодня представляет собой картотеку, насчитывающую около 5 млн карточек.

Колоссальный объём источниковой базы, пополняющийся и по настоящее время, определяет фундаментальный характер Словаря и даёт широкие возможности для решения на его материале самых разных исследовательских задач.

Будучи по типу полисистемным словарём, АОС фиксирует лексику объёмных территорий современных архангельских говоров. За пятьдесят лет собирания материала учёными были обследованы практически все крупные населённые пункты области (это более 300 поселений); пребывание в каждом из них длилось от 4 до 12 недель, при этом широко практиковались повторные экспедиции в те же населённые пункты – зимой и летом.

Важно отметить – и на это указывают авторы словаря, что используемый ими принцип вживания в диалект, его многократные повторные обследования позволяют сократить коммуникативное расстояние между носителем говора и его собирателем и зафиксировать диалектную речь в её естественном функционировании [1. С. 66].

Полевые записи выездов, в которых только на момент публикации первого тома АОС приняло участие около 600 человек, составляют тысячи и тысячи страниц, запечатлевших живую разговорную речь коренных жителей Русского Севера.

Организация и проведение экспедиций по сбору диалектного материала – это особая, крайне трудоёмкая (хотя и чрезвычайно интересная) работа, значение которой трудно переоценить. То, как она в течение стольких лет ведётся московскими коллегами, у людей, знакомых с такого рода деятельностью не понаслышке, вызывает и глубокое уважение, и восхищение!

Идейным вдохновителем и одним из главных создателей «Архангельского областного словаря» была и остаётся Оксана Герасимовна Гецова – крупный лексикограф, посвятивший словарному делу всю свою жизнь. Ею были разработаны теоретические принципы АОС, полное и последовательное отражение которых представлено в «Проекте Архангельского областного словаря» [2]. Долгие годы она возглавляла экспедиционную работу, вплоть до 12-го выпуска она являлась главным редактором словаря (выпуски 13–15 вышли под редакцией О.И Гецовой и Н.А Нефёдовой), она также автор огром-

ного количества словарных статей. Но самое главное видится в том, что ей удалось создать уникальную команду единомышленников, для которых Словарь стал главным делом жизни. Это Е.А. Нефёдова, Н.А. Артамонова, И.Б. Качинская и др. С годами состав команды меняется, но дух Словаря и заложенные в нём традиции остаются неизменными. До завершения проекта ещё далеко, ведь 15-й выпуск – это отрезок «З – Завящей», однако у читателя нет сомнения (и это правда!), что и выпуск на «Я» состоится, только его авторами будут уже другие члены команды.

Итак, главной задачей АОС следует считать лексикографическое описание словарного состава архангельских говоров, позволяющее представить диалектное слово и как единицу соответствующей макросистемы, и как элемент частной диалектной системы, получающий контекстную реализацию в живой речи носителей говора. То есть Словарь изначально нацелен и реально демонстрирует системный характер описания материала.

Вопрос о системности полидиалектного словаря сопряжён с выбором его типа по параметру «полный / дифференциальный», поскольку, с точки зрения таких авторитетных учёных, как, например, Ф.П. Филин, сводный характер словаря и дифференциальный подход к материалу исключают системность описания.

АОС был задуман и осуществляется как словарь дифференциального типа. Однако принцип дифференциальности понимается составителями предельно широко, что максимально приближает АОС к словарю полного типа. В него, кроме диалектной, включается разговорная, просторечная, а также общерусская лексика, если она обнаруживает любое отличие от литературного языка. Отличия же проявляются в семантической структуре общерусского слова, набор значений которого лишь частично совпадает с литературным языком, в сочетаемостных возможностях каждого ЛСВ, в характере системных отношений, устанавливаемых значениями лексической единицы.

Словарная статья в АОС отражает традиционный способ подачи материала в диалектном словаре, однако задача адекватно передать как внутрисистемные, так и межсистемные отношения описываемых слов, по признанию составителей, приближает словарную статью к собственно лексикологическому исследованию, наделяя её высокой степенью информативности.

Во-первых, семантическая структура лексикографируемого слова во всей совокупности его значений может «прочитываться» как максимально заполненная модель внутрисловных семантических отношений в макросистеме. С учётом же локальных помет, которые даются в иллюстративном материале и отражают территориальное варьирование единицы, данная модель может быть свёрнута до микросистемы одного говора, репрезентируя тем самым уже не моделируемые, а реально проявляемые внутрисистемные отношения. Выявлению системных связей и отношений способствуют также приводимые в словарной статье сведения о синонимии, вариантности и антонимии слова.

Во-вторых, весьма ценную информацию даёт максимально полное представление в Словаре сведений о свободной и полусвободной сочетаемости слова, указывающей на специфику его функционирования. Особенно это значимо для единиц, имеющих общерусское значение.

Иллюстративные контексты не только отражают сочетаемостные возможности единицы, которые в подавляющем большинстве случаев богаче, чем в литературном языке, но и позволяют судить о свойствах артефактов и натурфактов (например, *дорога – зимняя, летняя, проходн**а**я, ходов**а**я, ездов**а**я, езж**а**лая, гужев**а**я, к**о**нная, маш**и**нная, почт**о**вая, б**а**лочная, мостов**а**я, ледян**а**я, сер**ё**дочная, попер**е**чная, центр**а**льная, п**у**тичная* и т.д.); о круге объектов, наделяемых в говоре общими свойствами (например, *груда* ‘большое количество’ – *камней, дров, одежды, снарядов, навоза, сена, детей, девушек*); о субъекте действия (например, *гудеть* ‘издавать монотонный шум’ могут *комары, трава, вода, пиво,* а *брать* ‘охватывать своим воздействием’ могут *зло, тоска, горе одышка, пот, слёзы, понос, цинга, ветер, дождик, зас**у**ха, весна* и т.п.)[1].

Лексика Словаря отражает все сферы бытия человека и является своего рода лексикографическим портретом Русского Севера. Это тот «мир в алфавитном порядке», о котором говорил Анатоль Франс.

Слова в Словаре заключают в себе информацию о способах членения мира в языковом сознании носителей архангельских говоров. Характер членения во многом обусловлен этнокультурной спецификой, черты которой раскрываются в иллюстративной части словар-

[1] Все приводимые примеры взяты из [1. С. 68–69].

ной статьи. Контексты дают представление о реалиях крестьянского быта, традиционных промыслах, буднях и праздниках, установках наивной этики, религии, о понимании красивого и безобразного, мифологических представлениях и суевериях. Приводимые пословицы и поговорки обобщают коллективный опыт, лежащий в основе народной философии, а различные фольклорные жанры – проявления традиционной народной культуры. В целом это те черты русской языковой картины мира в одном из её вариантов, которые могут быть реконструированы по данным Словаря. При этом Словарь как отражение макросистемы и совокупности микросистем в её пределах даёт представление о вариативном характере диалектной картины мира и о различиях в мировидении носителей говоров.

Начало работы над АОС относится ко времени, когда отечественная лингвистика исповедовала структурно-семантический подход к описанию языка. В этой парадигме словарь и создаётся. Однако чрезвычайно важно подчеркнуть, что с утверждением нового, антропоцентрического взгляда на язык, при котором во главу угла ставится человек в его когнитивно-дискурсивном проявлении, словарь абсолютно не утратил своей актуальности и источниковыми возможностями демонстрирует преемственность сменяющих друг друга парадигм.

Материалы словаря идеально удовлетворяют потребностям исследователя при описании диалектной картины мира через базовые концепты народной речевой культуры. В концептуальном анализе, невозможном без опоры на языковые формы, ключевую роль играют семантические поля как фрагменты лексико-семантической системы языка. Их интерпретация и раскрывает смысловое наполнение концепта. Направленность Словаря на отражение системных «узлов» лексикона способствует моделированию полей, определению их объёма, границ, внутреннего содержания и т.д. В основе моделирования полей лежат контекстные реализации слов, которые говорят не только о семантике и сочетаемости, но и об отношении носителя крестьянской культуры к миру в его многогранных проявлениях, о ценностных доминантах жизни.

Востребованность АОС как базы для описания диалектной картины мира подтверждается наличием исследований, выполненных в данном аспекте. Например, в монографии Е.А. Нефёдовой в рамках выделения общей и вариативной части представлений о мире, свой-

ственных носителям говоров Архангельской территории, исследуются концептуальные области «время», «погода», «жизнь», соотносящиеся с базовыми понятиями человеческого сознания [3]. Анализ концептов вода и свобода – воля находим в другой работе автора [4]. Сведения о фрагменте мира по данным АОС можно получить из исследования И.Б. Качинской, описывающей наименования человеческого сообщества в архангельских говорах [5].

Примеры востребованности материалов АОС, очевидно, можно множить.

Добавим, что введению в научный оборот лексики архангельских говоров, ещё не получившей отражения в выпусках Словаря, в значительной мере способствует создание «Электронной картотеки Архангельского областного словаря», работа над которой с 1996 г. ведётся в кабинете диалектологии МГУ.

Подводя итог, скажем, что ценность рецензируемого лексикографического труда определяется, на наш взгляд, такими его характеристиками: 1) представляемым эмпирическим материалом; 2) избранными аспектами научной интерпретации; 3) её уровнем; 4) востребованностью материала и направлений его анализа в современных научных исследованиях. Характеристики отражают научную значимость словаря, и это закономерно, так как АОС ориентирован прежде всего на научное сообщество. Однако думается, что он может быть интересен и рядовому читателю, любящему народную речь.

Хочется пожелать авторскому коллективу АОС сил и возможностей в осуществлении последующих выпусков замечательного лексикографического труда – Архангельского областного словаря.

Литература

1. *Нефёдова Е.А.* «Архангельский областной словарь»: традиции и новаторство // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 2(4).– С. 65–75.

2. *Гецова О.Г.* Проект Архангельского областного словаря. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 214 с.

3. *Нефёдова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. – М.: Макс-Пресс, 2008. – 461 с.

4. *Нефёдова Е.А.* Проблемы лексико-семантического варьирования в пространстве диалекта // Gwary dzis. 6. Aktualne problem dialektologii slowianskieij. – Poznan.: Wydawnictwo PTPN, 2012.

5. *Качинская И.Б.* Наименование человеческого сообщества в архангельских говорах: народ, люди, человеки, крещёные // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности. – Ставрополь, 2014. – С. 147–157.

Л.Г. Гынгазова

LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF THE RUSSIAN NORTH. BOOK REVIEW: GETSOVA, O.G. (ED.) *ARKHANGEL'SKIY OBLASTNOY SLOVAR'* [ARKHANGELSK REGIONAL DICTIONARY].

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 83–89. DOI 10.17223/22274200/7/6
Gyngazova Ludmila G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: 4749@mail.tomsknet.ru

References

1. Nefedova, E.A. (2013) Arkhangelsk Regional Dictionary: traditions and innovation. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 65–75. (In Russian).

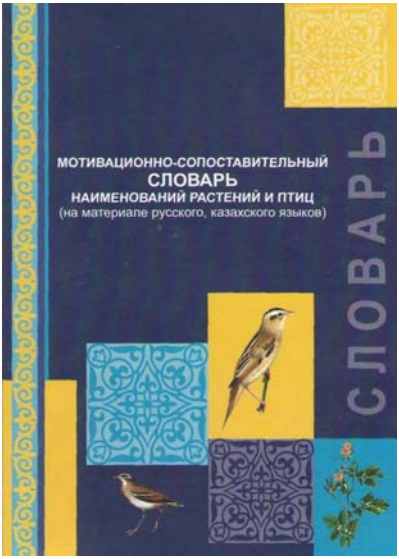
2. Getsova, O.G. (1970) *Proekt Arkhangel'skogo oblastnogo slovarya* [The project of Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University.

3. Nefedova, E.A. (2008) *Mnogoznachnost' i sinonimiya v dialektnom prostranstve* [Polysemy and synonymy in the dialect space]. Moscow: Maks-Press.

4. Nefedova, E.A. (2012) Problemy leksiko-semanticheskogo var'irovaniya v prostranstve dialekta [Problems of lexical-semantic variation in dialect]. *Gwary dzis. 6. Aktualne problem dialektologii slowianskieij*. Poznan: Wydawnictwo PTPN.

5. Kachinskaya, I.B. (2014) [Name of the human community in Arkhangelsk dialects: nation, people, man, baptism]. *Lingvisticheskaya ekologiya: problematika ischezayushchikh yazykov i kul'tur v istorii i sovremennosti* [Linguistic ecology: problems of endangered languages and cultures in the history and in the present]. Proc. of the International Scientific Conference. Stavropol. pp. 147–157. (In Russian).

DOI 10.17223/22274200/7/7



Рецензия на книгу: **Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц** / сост. Б.А. Газдиева, А.Д. Жакупова, О.А. Жумагулова, И.С. Каирбекова, А.О. Мукашева, Ж.О. Сагындыкова, Г.Т. Тлеубердина; под ред. А.Д. Жакуповой. – Кокшетау: Келешек-2030, 2013. – 258 с.

В словарь вошло более 200 мотивированных наименований растений и птиц казахского и русского языков. Предназначение словаря – раскрыть специфические уникальные концепты мира природы, доминирующие в сознании представителей казахского этноса, показать их особенности в сопоставлении с образами русской лингвокультуры.

Для филологов, переводчиков, любителей словесности.

В 2013 г. вышел в свет двуязычный мотивационно-сопоставительный словарь, посвященный флоре и фауне казахского и русского языков.

В словарь вошло более 200 мотивированных наименований растений и птиц казахского и русского языков. Составлению словаря предшествовало проведение широкомасштабного психолингвистического эксперимента.

Сразу отмечу, что словарь не похож на другие сопоставительные словари: безукоризненность и строгость научного стиля в изложении материала сочетаются и дополняются уместным привлечением «галереи» цветов и красок, создающих ощущение праздника.

СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

Предисловие отличается предельной краткостью и насыщенностью. Затронуты и раскрыты многие темы, имеющие прямое отношение к словарю, его роли, в том числе, например, актуальной задаче языковой политики Казахстана, проблеме полиязычия, межэтнического взаимодействия (С. 3–4).

Оригинально и очень к месту на следующей странице (С. 5) читателю словаря предложены **обозначения** и **сокращения** в удобной

для освоения форме: слева столбиком идут мотивологические термины в алфавитном порядке, а справа – их значения (С. 5), вслед за ними на следующих четырёх страницах (С. 6–9) предложен **глоссарий**, раскрывающий содержание 29 понятий мотивологической теории.

В разделе **«Концепция лингвокультурологического мотивационного сопоставительного словаря»** характеризуется **тип** словаря (С. 10–11), содержание **словника** (С. 11–12), описаны критерии отбора лексических единиц для лексикографирования: предложено 5 критериев (С. 11–12). Обращает на себя внимание в этой части следующее важное пояснение:

> *Настоящий МСС – двуязычный словарь. Прежде всего, он рассчитан на читателей – носителей русского языка, поскольку языковой целью является презентация национальных доминант казахского этноса в сопоставлении с русской лингвокультурой. Вместе с тем он рассчитан и на восприятие читателями – носителями казахского языка, поэтому метавысказывания информантов в данной зоне словарной статьи даются на родном (казахском) языке. Это оправдано тем, что при МСА*[1] *выявляется национальная специфика осознания языковой и неязыковой действительности, запечатлённая в метаязыковых высказываниях представителей разных лингвокультурных сообществ. Только оригинальные метавысказывания наглядно демонстрируют «собственное национально-специфическое видение мира». Оформительская (издательская) оболочка словаря осуществлена на русском языке, поэтому в словарной статье предусмотрены перевод на русский язык показаний МЯС* [2] *носителем казахского языка* (С. 13–14).

Цитированный абзац содержит важные сведения для носителей обоих языков, раскрывая причины построения словаря и словарных статей в наиболее удачном способе расположения доминант казахского и русского языков в рамках словарной статьи. Целесообразность избранного способа подтверждается 200 раз на страницах Словаря.

---

[1] МСА – мотивационно-сопоставительный анализ.
[2] МЯС – метаязыковое сознание.

Модель словарной статьи[1] (последний раздел предисловия) включает информационные зоны: **вводную** (С. 13), **экспериментальную часть** (С. 13–15), **характеризующую часть** (С. 16–18), каждая из которых иллюстрируется таблицами, и **справочную часть** (С. 18–19).

В каждой из зон/частей решаются задачи или ряд задач. В своей совокупности они представляют своеобразный цикл лекций и «практических занятий», фундаментально подготавливающий читателя словаря к восприятию каждой словарной статьи. Вне сомнения, представленная в Словаре «Модель словарной статьи» послужит полезным методическим и методологическим пособием и для специалистов-мотивологов.

Во **вводной** части словарной статьи даётся толкование лексического значения слова и в соответствии с его статусом номенклатурное наименование в сопровождении латиницы, которое выполняет роль заглавного слова. Такое расположение латиницы может быть иным, после толкования значения слова, но в данном словаре оно доминирует. Вводную часть завершают два образца словарных статей. Один из них: [phoenicurusforsten L.] [«горихвостка»].

ЛЗ: «небольшая певчая птичка семейства дроздовых с рыжим хвостом».

В **экспериментальной** части словаря приводятся те компоненты словарной статьи, которые связаны с заглавным словом в разных языках – казахском и русском, с показом результатов психолингвистических экспериментов (ПЛЭ), представленных в виде показаний метаязыкового сознания (МЯС), собранных путём проведения с носителями языков бесед о мотивировке слов.

При этом обращается внимание на те из них, которые имеют так называемый **когнитивный смысл, когнитивные знания,** но и **звуковую** палитру (у названий птиц), **цветовую гамму,** или **цветную иллюстрацию**, характеризующую как наименования растений, так и наименования птиц.

---

[1] Первый вариант «Модели словарной статьи» опубликован в 2012 г. [1], он ориентирован на материал русских, болгарских, польских, казахских, татарских орнитонимов, исследованных А.Д. Жакуповой ранее, до 2009 г., и не во всём совпадает с представленными ныне.

> *Эта зона словарной статьи предусматривает цветную иллюстрацию, которая предлагалась информантам в ходе ПЛЭ и которая в значительной степени «облегчала» осмысление ими той или иной языковой единицы»* (С. 16). *«Привлечение цветных иллюстраций птицы/растения, которые позволяют читателю сравнить содержание словарной статьи и с наглядным изображением, является важным в познавательном плане* (Там же).

Мысль о значимости **цветных иллюстраций** побудила к использованию соответствующей таблицы. Она размещена в конце словаря (в приложении), иллюстрации пронумерованы в соответствии с порядковыми номерами словарных статей. В итоге показания МЯС пополняются дополнительными цветовыми изображениями номинируемых растений и птиц.

В **характеризующей** части (С. 16–18) отражаются все структурно-семантические характеристики мотивированных ЛЕ сопоставляемых языков: внутренняя форма слова (ВФС), её мотивационная форма (МФ) и мотивационное значение (МЗ), структурные мотиваторы (СМ) и лексические (ЛМ) с учётом результатов ПЛЭ, определяется вид ВФС, сопоставляется мотивировочный (МП) и номинационный признаки (НП), указывается тип мотивированности слова (фонетический, морфологический, семантический).

Даются подробные пояснения о способах выражения тех или иных характеристик мотивированных слов.

Справочная часть (энциклопедическая) содержит неметаязыковую инофрмацию носителей языка – данные орнитологии, ботаники, этимологии, комментарии охотников, любителей птиц и растений. Эти сведения играют важную роль с позиции ономасиологии, поскольку указывают на **номинационные** признаки наименований растений и птиц с целью подтвердить данные ПЛЭ или опровергнуть их.

> Словарная статья МСС характеризуется единообразием лексикографической представленности, обозримостью и систематизацией материала, а сам словарь служит ценным источником для изучения ряда лексикологических и лексикографических проблем (С. 19).

Завершает концепцию словаря список литературы из 14 названий (С. 20).

[Petasites M.L.] (-)

ЛЗ: 'род многолетних трав, растущих в сырых местах по берегам водоемов'

АҚБАҚАЙ	**БЕЛОКОПЫТНИК**
«өсімдіктің жапырақтары бақайға ұқсайтын шығар» (80) *«өсімдіктің гүлі ақ»* (20) 100/0 $ВФС_1$ < МФ: ақ/БАҚАЙ МЗ: 'растение, < листья к-рого похожи на > копыто' $ЛМ_1$: *бақай* – копыто $СМ_1$: сарыБАС, ақҚАНАТ $ВФС_2$ < МФ: АҚ/бакай МЗ: 'растение <с> белыми <цветками> ' $ЛМ_2$: *ақ* – белый $СМ_2$: АҚбайпак, АҚбауыр, АҚбүйрек $ВФС_{1,2}$ вариативная, нелексикализованная, $ВФС_1$ метафорическая, $ВФС_2$ неметафорическая МП: ақ, бакай (НП: растение с белыми цветками) Тип мотивированности: морфол. Перевод: листья растения похожи на копыто; цветки растения белого цвета.	*«лепестки растения белые и широкие»* (60) *«лепестки растения похожи на белое копыто животного»* (40) 100/0 $ВФС_1$ < МФ: БЕЛ/окопыт/НИК МЗ: 'растение <с> белыми <лепестками>' $ЛМ_1$: *белый* $СМ_1$: можжевельНИК, марьянНИК $ВФС_2$ < МФ: БЕЛоКОПЫТ/НИК МЗ: 'растение, <листья к-рого похожи на> белое копыто' $ЛМ_2$: *белый, копыто* $СМ_2$: $СМ_1$ ВФС вариативная, нелексикализованная, $ВФС_1$ неметафорическая, $ВФС_2$ метафорическая МП: белый, копыто (НП: растение с белыми лепестками) Тип мотивированности: морфол.

Фитонимическая справка: «жапырақтары ірі, сопақша, гүлдері ұсақ, жағымсыз иісі бар» [3, 21]; «… свое название белокопытник получил из-за формы листа, имеющего с нижней стороны белый оттенок и напоминающий копыто…» [2]

Рис. 1

Таким образом, концепция словаря предстаёт перед специалистом или просто любознательным читателем в подробном, основательном, целостном, готовом к восприятию словарных статей, посвященных наименованиям растений и птиц русского и казахского языков.

После п**редисловия** приведён список литературы из 14 названий: в их числе имена мотивологов (О.И. Блиновой, А.Н. Ростовой, А.Д. Жакуповой, Н.Д. Голева), лингвокультурологов (З.Д. Поповой, И.А. Стернина), зоологов (А.Ф. Ковшарь, В.Н. Ковшарь), орнитологов (Г.П. Дементьева, В.В. Хрокова, С.Л. Скляренко), писателя (С.Т. Аксакова) (С. 20).

Необычно – красочно, нарядно, в цвете – перед читателями предстают наименования растений (С. 21–124) и птиц (С. 125–228). В **приложении А** – фотогалерея растений (С. 232–240), в **приложении Б** – фотогалерея птиц (С. 241–249). Обе фотогалереи при знакомстве читателя с содержанием словарных статей обеспечат возможность воспринимать их в графике и в цвете благодаря тому (как отмечалось ранее), что цветные иллюстрации пронумерованы в соответствии с номерами словарных статей. Номер каждой из них расположен слева от фотографии.

Обратимся к наименованиям растений, выбрав для ознакомления словарную статью БЕЛОКОПЫТНИК (см. рис. 1).

Как видим, сверху и слева у прямоугольника обозначен номер словарной статьи. Верхнюю строку прямоугольника занимает латинское название растения. Следующая строка отведена для толкования лексического значения.

Оставшееся «полотно» прямоугольника, разделенное на две части, посвящено характеристике словарной статьи на казахском и русском языках. Первую строчку разделённой части прямоугольника занимают названия растений: слева – АКБАКАЙ, справа – БЕЛОКОПЫТНИК. Далее синхронно слева и справа следующие сведения: (а) данные ПЛЭ с числовыми обозначениями, (б) ВФС с её составляющими: мотивационной формой [МФ] и мотивационным значением [МЗ]. Затем следует лексический [ЛМ] и структурный мотиваторы [СМ]. Эта часть – ВФС 1 в той же последовательности повторяется во ВФС 2 с иными показателями. С 8-й строчки снизу прямоугольника указывается тип ВФС: ВФС 1 – неметафорическая, ВФС 2 – метафорическая. В следующей строчке – МП: *белый, копыто* – называется мотивировочный признак [МП] и признак номинационный [НП]: (растение с белыми лепестками). Наконец, в последней строке прямоугольника указан тип мотивированности – морфол[огический].

Структура словарной статьи заканчивается за пределами прямоугольника **фитонимической справкой**: «…своё название *белокопытник* получил из-за формы листа, имеющего с нижней стороны белый оттенок и напоминающий копыто…». Цифра 2 в квадратных скобках [2] отсылает читателя к фотогалерее растений (С. 232), где под № 2 представлена фотокопия с листом, по форме напоминающим копыто с белыми цветками, что и подтверждает показания психолингвистического эксперимента (ПЛЭ).

Какова степень научной новизны основной части словаря, располагающего значительным количеством словарных статей общим числом 200 единиц, из которых по 100 представлено наименованиями растений и птиц казахского и русского языков? Несомненно, высокая: двуязычная сопоставительная мотивология казахского и русского языков значительно пополнилась новым материалом, а в русской её части обогатилась не только новыми словарными статьями, но и дополнительными сведениями для многих разделов словарных статей.

В числе нововведений **гуманизация**, введение гуманности, человечности в отношении к пользователю словаря с целью заинтересовать его, пробудить в нём тягу к слову, помочь в его освоении.

Так, предисловие начинается с проникновенных слов Владимира Даля: *...каждое слово, помещённое в словаре, связано с жизнью, деятельностью народа – творца языка.*

Через страницу читателя ждут **обозначения и сокращения**, которые обычно помещаются в конце вводной части, а в данном случае – на **отдельной странице** на самом **главном месте** с перечислением неведомых **словосочетаний** в сопровождении таких же неведомых **сокращений**.

Другое нововведение – **эстетизация** оформления словаря, ненавязчивое включение в его структуру рисунков и цвета, которые встречает читатель на обложках словаря, взяв его в руки, раскрыв страницы наименований растений и птиц (С. 21, 125), погрузившись в стоцветную радугу двух фотогалерей (приложение А и Б) (С. 232–249), с которыми он не расстаётся на протяжении знакомства с каждой из сотни словарных статей. Кроме того, цветовые гаммы рисунков служат средством выражения мотивировочных и символических признаков.

Выражаю надежду, что читатели этой рубрики разделят со мной впечатления о достоинствах настоящего Словаря, высказанные на предыдущих страницах.

Литература

Жакупова А.Д. Модель словарной статьи «Мотивационного сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов» // Вопр. лексикографии. 2012. № 2. С. 66–75.

О.И. Блинова

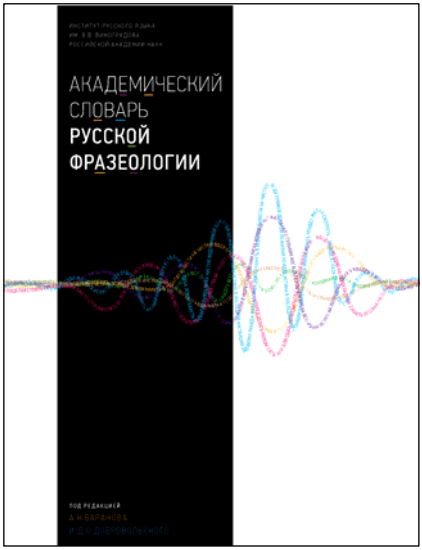
BOOK REVIEW: ZHAKUPOVA, A.D. (ED.) *MOTIVATSIONNO-SOPOSTAVITEL'NYY SLOVAR' NAIMENOVANIY RASTENIY I PTITS* [MOTIVATIONAL AND COMPARATIVE DICTIONARY OF NAMES OF PLANTS AND BIRDS].

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 90–97. DOI 10.17223/22274200/7/7
Blinova Olga I., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: blinova_11@mail.ru

References

Zhakupova, A.D. (2012) Dictionary entry model of Ornithonyms and Phitonyms Motivological Contrastive Dictionary. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*. 2. pp. 66–75. (In Russian).

DOI 10.17223/22274200/7/8



Рецензия на книгу: **Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.**

Словарь включает около 2000 идиом современного русского языка (около 5000 значений). Употребления идиом иллюстрируются примерами из современной художественной литературы, публицистики, разговорной речи, русскоязычной части Интернета. Толкования идиом раскрывают их значение, включая образную составляющую семантики — метафору, лежащую в основе значения. Для многих идиом предусмотрены краткие эквиваленты, зона нестандартных употреблений, а также комментарии — информация о происхождении фразеологизмов, описание грамматических особенностей употребления, характерные черты прагматики. Идиомы снабжены стилистическими пометами. В словаре имеется указатель, позволяющий найти идиому по каждому из ее компонентов.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся русской фразеологией и функционированием современного русского языка.

Лексикографическим событием 2015 г. стал выход исправленного и дополненного второго издания «Академического словаря русской фразеологии» (АСРФ) А.Н. Баранова, М.М. Вознесенской, Д.О. Добровольского, К.Л. Киселёвой, А.Д. Козеренко (2015), который наряду с «Фразеологическим объяснительным словарём русского языка» (2009) и «Словарём-тезаурусом современной русской идиоматики» (2007) продолжает задуманную авторами-составителями лексикографическую серию, призванную многоаспектно представить современную русскую фразеологию.

Словник этого фразеографического издания широк: хотя составители сразу оговариваются, что включают лишь идиомы, так называемые единицы, составляющие ядро фразеологической системы языка, отличающиеся высокой степенью устойчивости и включающие «непрозрачный» элемент, который мешает пониманию значения по компонентам единицы. Так, в состав словника вошли различные

по происхождению и прагматической направленности единицы: так называемые ответные реплики[1] *(– Почему? – по кочану!* – с. 390; – *Где? – В Караганде* – с. 345), этикетные формулы (*в добрый час* – с. 955*; доброе утро* – с. 912), паремии (*Мал золотник, да дорог* – с. 319; *В огороде бузина, а в Киеве дядька* – с. 72), различные по происхождению крылатые выражения (мифологизмы: *прокрустово ложе* – с. 440, библеизмы: *соль земли* – с. 806, высказывания исторических деятелей: *Париж стоит мессы* – с. 590, цитаты из художественной литературы: *А был ли мальчик?* – с. 450). Объём представленного материала – 2000 идиом (около 5 000 значений).

Словарь отражает тенденции развития языка. Например, здесь учтены примеры диахронического эллипсиса пословиц: *не вырубишь топором* – с. 866 (ср.: *Что написано пером, не вырубишь топором*), *новая метла* – с. 469 (ср.: *Новая метла по-новому метёт*); перехода из отрицательной формы в положительную: *Яйца курицу учат* – с. 1002 (ср.: *Яйца курицу не учат*); грамматического варьирования идиом: *перетягивание каната* – с. 594 (ср.: *перетягивать канат*), *гадание на кофейной гуще* – с. 131 (ср.: *гадать на кофейной гуще*). Расширение состава идиомы *встречать хлебом-солью* – с. 938[2] связано с частотой употребления в речи (вместо *хлеб-соль*, как в большинстве фразеологических словарей). Кроме того, новизна словаря заключается в лексикографической фиксации не описанных ранее фразеологизмов: *совет в Филях* – с. 804, *такой хоккей нам не нужен* – с. 941, *последний писк моды* – с. 607, *честное пионерское* – с. 605, некоторые их которых появились и / или стали употребляться в последние десятилетия.

Принцип расположения материала: фразеологизмы распределяются в алфавитном порядке по первой букве опорного компонента в соответствии с принятой авторами за основу иерархией частей речи (от существительного до междометия). Такой порядок, на наш взгляд, усложняет поиск и заставляет подчас обращаться к указате-

---

[1] Первый опыт полной фиксации подобных единиц [2].

[2] НКРЯ фиксирует употребление этой единицы с 1933 г. См.: http:// search. ruscorpora.ru/ search.xml?sort=gr_tagging&out=normal&dpp=20&spd=10&seed=22340 &env= alpha &mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&text=lexgramm&mode=main&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%E2%F1%F2%F0%E5%F7%E0%F2%FC&gramm1=&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2= 0&level2=0&min2=1&max2 =1&lex2= %F5%EB%E5%E1&gramm2=ins&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2& flags2 =&m2=&p=0

лю, благодаря которому можно найти идиому по любому из ее компонентов.

Словарная статья состоит из таких зон, как:

1) буквенно-цифровой порядковый номер единицы;
2) исходная форма идиомы;
3) информация о произношении отдельных компонентов (факультативная зона);
4) пометы;
5) толкование значения;
6) зона приблизительных эквивалентов (факультативная зона);
7) контекстуальное употребление идиом;
8) зона нестандартных употреблений (при необходимости);
9) автор-составитель данной статьи.

Кроме того, используются графические символы, шрифтовые выделения, а также принятые и расшифрованные в предисловии сокращения.

Остановимся на обозначенных пунктах.

Буквенно-цифровой порядковый номер идиомы служит упрощению поиска в словаре. Область вокабулы отражает современные трансформации идиом, что выделяется графически – при помощи изменённого шрифта, скобок, многоточия в зависимости от типа варианта. В некоторых словарных статьях приводятся сведения о первом употреблении идиом. Например: *работать как часы* (20-е гг. XX в.) – с. 958, *как на грех* (2-я пол. XIX в.) – с. 188.

Пометы, используемые в этом словаре, четырёх типов. Назовём их и приведём некоторые примеры их употребления:

1) временные указывают на период активного использования описываемой идиомы: устар. (*Врачу, исцелися сам* – с. 119, ломать шапку – с. 977), совет.[1] (*красный день календаря* – 219, *честное пионерское* – с. 605);

2) стилистические: высок. (*пыль веков* – с. 679, *пасть смертью храбрых* – с. 798), нейтр. (*слово в слово* – с. 790, *тихий / мёртвый час* – с. 957), снижен. (*грести под себя* – с. 187, *ползать на брюхе* – с. 70), груб. (*не надо ля-ля* – с. 446, *Убери руки, а то протянешь ноги* – с. 725), неприл.;

[1] Наиболее полно советизмы представлены в [3].

3) дискурсивные пометы показывают сферу употребления идиомы и тип текстов, где она употребляется: книжн. (*святее папы римского* – с. 589, *смесь французского с нижегородским* – с. 798), журн. (*становой хребет* – с. 943, *делать погоду* – с. 618), жарг. (*не дружить с головой* – с. 158, *мокрое дело* – с. 212), прост. (*будьте-нате* – с. 71, *глаз не казать* – с. 137), совидеол. (Россия – родина слонов, народн. (*С глаз долой – из сердца вон* – с. 139, *Федот, да не тот* – с. 922);

4) регистровые пометы: эвф. (*чудак на букву «м»* – с. 972, *не к ночи будь помянут* – с. 546), дисф.

Как показывают наши наблюдения, некоторые из помет, указывающие на советскую идеологию (*совидеол.*), дисфемизм (*дисф.*), нетрадиционны для отечественной фразеографии. Разделение стилистических помет на собственно стилистические (в узком смысле) и дискурсивные отражает прагматический потенциал данных идиом.

Толкование значения идиом, по словам составителей, учитывает образную составляющую единиц: «…толкование включает интерпретацию не только собственно актуального значения (значения в узком смысле), но и образного компонента идиомы – метафоры, на основе которой сформировалось значение» [1. С. 5]. Зону толкований отличает особый, предложенный и обоснованный редакторами в предисловии метаязык. Кроме того, семантизации идиом помогает зона приблизительных эквивалентов, которая включает простые эквиваленты, помогающие передать значение идиомы.

Иллюстративная зона, обязательный элемент каждой словарной статьи, заслуживает особого комментария. Составители привлекали фрагменты из произведений литературы и публицистики с 60-х гг. по настоящее время, а также контексты из Национального корпуса русского языка и различных подкорпусов. Важен посыл авторов-составителей при расположении иллюстраций: «1) от литературных примеров к публицистике и речевому общению; 2) от примеров, представляющих базовые формы идиомы в словарном входе <…> к небазовым» [1. С. 19].

Как справедливо отмечают редакторы АСРФ, «хорошее словарное описание – совмещающее принципы нормативности и дескриптивности – должно отражать нестандартные употребления фразеологизмов, поскольку это показывает потенциал функционирования фразеологической системы и творческий аспект речевой деятельно-

сти носителя языка» [1. С. 11]. Этим и объясняется наличие зоны нестандартных употреблений, где представлены интересные примеры функционирования идиом, в том числе в трансформированном виде.

Часть словарных статей содержит справочную зону, где даётся грамматический, культурно-исторический, прагматический комментарий.

Обширный фразеологический фонд языка, фрагмент которого представлен в данном словаре, представляет собой сложную систему, порой вызывающую неоднозначные интерпретации и комментарии, ибо за каждым употреблением стоит языковая личность. Поэтому некоторые словарные статьи представляются спорными, требующими небольших дополнений, иногда технического характера. Одним из недостатков является отсутствие унификации при описании некоторых единиц. Например, идиомы – крылатые выражения чаще всего паспортизируются (например, *пятая колонна* – с. 367, *слуга двух господ* – с. 793), чего нельзя сказать об идиомах *медовый месяц* – с. 466, *человек в футляре* – с. 932, *такой хоккей нам не нужен* – с. 941. Отсутствует указание на паремийный характер единиц *Собака лает – ветер носит* – с. 803, *что за шум, а драки нету* – с. 987. На наш взгляд, следовало бы указать, что идиомы *выдавать чёрное за белое* – с. 962, *съем свою шляпу* – с. 984 заимствованы из английского языка. Вряд ли стоило посвящать отдельную словарную статью толкованию единицы *соль земли русской* – с. 806 в отрыве от идиомы *соль земли*, сами же авторы указывают на лексическое варьирование этой идиомы: «Часто вместо компонента *русской* встречаются другие топонимические прилагательные», приводя соответствующие контекстуальные употребления. В некоторых случаях можно расширить зону комментария: в словарную статью *поставить / построить ... во фрунт* включить толкование устаревшего компонента *фрунт*. Хочется получить разъяснение по поводу знаков препинания в словарной статье *ни кола ни двора* – с. 362 (*ни кола, ни двора*; *без кола без двора*), которые не регламентируются системой русской пунктуации, а также отсутствие запятой в вокабуле словарной статьи *слава яйцам, слава тебе яйца* (с. 779). Наверное, можно было бы расширить словарную статью, чтобы показать системность анализируемых идиом (например, при подаче единиц *дать карт-*

бланш – получить карт-бланш, *взять честное пионерское – дать честное пионерское* указать на их антонимический характер).

Стоит отметить, что составители АСРФ, учитывая положительный опыт прошлого лексикографии, делают шаг вперёд: меняются элементы словарной статьи, что приводит к увеличению её лингвистической информативности (например, вводятся отражающие дискурсивное употребление пометы, включается комментарий и т.д.), вырабатывается новый метаязык фразеографии, отвечающий потребностям современной науки.

Литература

1. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Предисловие. Словарное толкование идиом, их стилистические характеристики и особенности употребления. О пользовании словарём // Академический словарь русской фразеологии / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – С. 3–20.

2. *Бондаренко В.Т.* Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. – Тула, 2013. – 339 с.

3. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

О.В. Ломакина

N. & DOBROVOLSKIY, D.O. (EDS.) *AKADEMICHESKIY SLOVAR' RUSSKOY FRAZEOLOGII* [THE ACADEMIC DICTIONARY OF RUSSIAN PHRASEOLOGY].

Journal of Lexicography, 2015, 1(7), pp. 98–103. DOI 10.17223/22274200/7/8

BOOK REVIEW: BARANOV, A.

Lomakina Olga V., Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: rusoturisto07@mail.ru

References

1. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2015) Predislovie. Slovarnoe tolkovanie idiom, ikh stilisticheskie kharakteristiki i osobennosti upotrebleniya. O pol'zovanii slovarem [Preface. The dictionary interpretation of idioms, their stylistic characteristics and particular use. How to use the dictionary]. In: Baranov, A.N. et al. *Akademicheskiy slovar' russkoy frazeologii* [The Academic Dictionary of Russian Phraseology]. 2nd ed. Moscow: LEKSRUS.

2. Bondarenko, V.T. (2013) *Otvetnye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Responses in Russian dialogical speech: a dictionary]. Tula: Tula State Pedagogical University.

3. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (1998) *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory Dictionary of the Sovietdom Language]. St. Petersburg: Folio-Press.

DOI 10.17223/22274200/7/9

Рецензия на книгу: **Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – 571 с. – (Герценовская антология).**

Монография посвящена русской лексикографии – теории и практике составления словарей. В ней рассматриваются традиции русской лексикографии, основные направления словарного дела в России, аспекты описания русского слова в словарях различных типов. Рассматриваются конкретные типы словарей, сложившиеся в отечественной лексикографии. Особое внимание уделяется лексикографическим изданиям конца XX – начала XXI в. В книге представлено более 2700 различных словарей, таким образом, она является не только полезным пособием для изучающих русское слово во всех его проявлениях, но и своеобразным путеводителем по русским словарям для широкого круга читателей.

Книга «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» является результатом многолетней работы авторов. В 1989 г. В.А. Козырев и В.Д. Черняк опубликовали относительно небольшое пособие для студентов «Слово в системе словарей русского языка». Позже, продолжая начатое дело, соавторы выпускают расширенные и переработанные издания (вузовские учебные пособия) «Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка» (2000) и «Русская лексикография» (2004), главной целью которых было комплексное описание и анализ русского лексикографического пространства в статике и динамике.

Интерес к словарям и словарному делу в России всегда был велик. Однако еще в 70–80-е гг. XX в. не все желающие могли достать даже словарь С.И. Ожегова, а обладателями словаря В.И. Даля были редкие счастливцы. Конец XX в. дает, по удачному выражению авторов монографии, «лексикографический бум», который характеризует современную языковую ситуацию. Прошлое и настоящее русской лексикографии требует обобщения фактов и опыта, критиче-

ского взгляда и осмысления огромной работы лексикографов «века нынешнего и века минувшего».

Издание имеет четкое построение и открывается разделом «Современная русская лексикография в социокультурном контексте». Авторы отмечают, что словарь, будучи уникальным объектом труда лексикографов, занимает особое место в духовной жизни общества. При этом словарное дело из преимущественно академической сферы в последние десятилетия превратилось в явление социально мобильное, хотя «в этой мобильности нередко утрачиваются изначально присущие ей качества» (С. 8). И хотя книга построена на анализе лучшего лексикографического материала, свидетельствующего об огромных достижениях русского словарного дела, особо хотелось бы отметить критические ноты, прозвучавшие во вводном разделе. Представленные издания, как отмечают авторы, принципиально «различаются по объему и характеру содержащихся в них сведений», по «масштабности решаемых задач», «по направленности на адресата» (с. 3) и принципам описания, по уровню решения лексикографических задач. Наряду с изданиями, выполненными качественно, профессионально, в «Общем списке лексикографических изданий» упоминаются словари, созданные не только без необходимого профессионализма, но и представляющие собой «простую компиляцию», когда «в ряде случаев перепечатываются старые издания без какого-либо комментария» (С. 9). Нередко издатели используют имена классиков словарного дела, безжалостно адаптируя и даже искажая фундаментальные труды. В.И. Даль, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов становятся, по удачному определению В.А. Козырева и В.Д. Черняк, «прецедентными феноменами» и сугубо «коммерческими брендами» (С. 9). Такие «словари» являются результатом грубой предпринимательской активности дельцов от филологии. При этом авторы монографии не скрывали, что сомневались в том, стоит ли вообще включать или упоминать подобные книги, однако их представление «дает возможность увидеть актуальные тенденции в развитии словарного дела в начале XXI века» (С. 4). Несколько изменяя оценочную характеристику Л.В. Щербы, подобные издания можно назвать «отрицательным лексикографическим материалом», присутствующим в лексикографическом пространстве, а критический взгляд на них и соответствующая оценка повышают степень научной объективности рецензируемой книги. Показательно, что

авторы приводят слова Н.Ю. Шведовой об ответственности лексикографа перед наукой, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю, перед традицией, точно характеризуя их как «кодекс чести» составителя словаря (С. 9), отмечая, что многие словари далеки от выдвигаемых требований и могут претендовать на статус словаря лишь по формальным признакам, когда читателю предлагается «лексикографическая пустышка», «словарная подделка» (С. 401). В аннотациях к подобного рода справочникам обычно приводятся пышные самооценки о «современных» версиях лексикографической классики. При этом имена «интерпретаторов», «впервые» дающих читателю «современную версию» словаря, в самом издании могут и не упоминаться.

Вместе с тем «коммерциализация словарного дела» дает возможность выхода в свет серьезных изданий и «определяет наполнение совокупной словарной полки» (С. 10). Однако авторы отмечают, что лексикографический бум, характерный для последних десятилетий, изменяет социокультурную ситуацию преимущественно «в количественном, но не в содержательном аспекте» (С. 12). Такое положение объясняется отсутствием лексикографической компетенции, под которой понимается «осознание потребности обращения к словарю для решения познавательных и коммуникативных задач, умение выбрать нужное лексикографическое издание» (С. 12). Отсюда возникает необходимость воспитания «лексикографической культуры» как показателя культуры общества и человека. Нельзя не согласиться с одним из положений в Послесловии: «Особенно интенсивное развитие словарей отдельных типов имеет социокультурную мотивацию и определяется запросами пользователей, коммерческими интересами издательств и новыми возможностями, которые открывают в словарном деле компьютерные и информационные технологии» (С. 401).

Современная лексикографическая работа отличается положительными тенденциями как в собственно словарном репертуаре, так и в развитии лексикографической теории. Такое положение авторы называют «серьёзным научным прорывом», соотнося его с «системоцентризмом» и «антропоцентризмом словарного дела» (С. 10). Стремление системно описать лексику и фразеологию сочетается со стремлением отразить живые черты речевого портрета современного носителя русского языка, соотнести системные основы организации

языкового материала с конкретными «коммуникативными запросами пользователей словарной продукции» (С. 10). Именно антропоцентрическая лексикография дает основания для создания словарей живой речи, словарей ассоциативных, разнообразных справочников по писательской лексикографии, словарей детской речи и мн. др.

Неоднократно подчеркиваются перспективы, связанные с созданием лексикографической базы русского языка, успешным развитием корпусной лингвистики, расширением возможностей оперативной обработки новейшего текстового массива, получением читателями доступа к малотиражным словарным изданиям через Интернет.

Собственно теоретическая основа книги определяется разделами «Истоки и традиции русской лексикографии», «Типология словарей русского языка», «Аспекты лексикографического описания слова в словарях различных типов».

В качестве несомненного достоинства монографии можно отметить принцип преемственности между разделами. Так, четко показано, что принципы древнерусской лексикографии получают развитие по мере эволюции словарной теории и практики. Глоссарии и глоссировка текстов, имеющие характер комментирующий и на первый взгляд сугубо практический, закладывают основы специализированной, аспектной лексикографии, которая является принципиально синкретичной, комплексной. Словари-ономастиконы, словари символики («приточники»), славяно-русские переводные словари – надежные источники по культуре, языку и филологической науке Древней Руси. В XVI–XVII вв. формируются лексикографические традиции, в первую очередь алфавитная и тематическая. Большое внимание уделено лексикографии XVIII в., вершиной которой стал шеститомный «Словарь Академии Российской», в значительной степени определившей уровень лексикографических предприятий XIX в., связанных с именами А.Х Востокова, П.И. Соколова, Ф.С. Шимкевича, Д.М. Княжевича, И.М. Снегирёва. И.И. Срезневского, А.Л. Дювернуа, П.И. Савваитова, А.В. Висковатова и др. Особое место отводится словарю В.И. Даля. Процессы специализации лексикографических изданий, жанровое многообразие описываются в подразделе, посвященном лексикографии XX в. (А.А. Шахматов, Н. Абрамов, М.И. Михельсон, С.Г. Займовский, М.С. Ольминский, В.З. Овсянников, В.И. Чернышев, Д.Н. Ушаков). Показателен вы-

вод: «В русской лексикографии XX века было выдвинуто и обосновано положение о том, что полное и адекватное описание словарного состава языка возможно и целесообразно в серии словарей, а не в одном словаре, каким бы большим по объёму он ни был» (С. 35).

Многообразие существующих словарей определяет содержание раздела «Типология словарей русского языка». Авторы отталкиваются от известной классификации Л.В. Щербы, приводя точки зрения ряда лингвистов и критически анализируя их (Н.З. Котелова, В.С. Елистратов, Р.М. Фрумкина, П.Н. Денисов, Ю.А. Бельчиков, Г.Я. Солганик, В.Г. Гак, А.М. Цывин, С.В. Лесников, В.В. Дубичинский и др.). Типологическая проблематика позволяет перейти к разделу «Аспекты лексикографического описания слова в словарях различных типов» и определить полноту лексикографической информации, выделить проблему адресата, обусловленную, в свою очередь, структурой и компонентами словарной статьи. Всё это даёт комплекс лексикографических проблем, названных Н.Ю. Шведовой «парадоксами словарной статьи».

«Современные словари русского языка и их информативные возможности» – самый объемный раздел монографии, подразделы которого продолжают жанрово-типологический принцип книги и насчитывают 48 позиций. Толковые словари признаются основным типом лексикографических изданий, в значительной степени выполняющим функции аспектных словарей. Показано, что словарная статья толкового словаря представляет собой сложный лингвистический жанр, требующий от составителей высокого уровня теоретической и практической подготовки.

Сложность словарной работы продемонстрирована авторами на примере целого ряда толковых словарей, среди которых центральное место занимают «Толковый словарь русского языка» в 4 томах под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, «Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова.

Практически все существующие лексикографические типы и жанры получают характеристику, сопровождающуюся примерами, критическим анализом, библиографическими и историко-научными комментариями. Книга читается с интересом «от доски до доски» и

одновременно позволяет получить исчерпывающую информацию по конкретному вопросу.

Особо хотелось бы сказать о заключительном разделе «Общий список лексикографических изданий, представленных в книге», имеющем характер библиографического приложения: он насчитывает 2776 позиций. Это первый в русистике исчерпывающий свод словарных изданий, обращение к которому всегда дает новую информацию и весьма удачно дополняет и усиливает энциклопедический характер монографии и её безусловную издательскую перспективность.

К.П. Сидоренко

BOOK REVIEW: KOZYREV, V.A. & CHERNIAK, V.D. *LEKSIKOGRAFIYA RUSSKOGO YAZYKA: VEK NYNESHNIY I VEK MINUVSHIY* [MODERN RUSSIAN LEXICOGRAPHY: THE PAST AND THE PRESENT].

Journal of Lexicography, 2015, 1(7),pp. 104–109. DOI 10.17223/22274200/7/9

Sidorenko Konstantin P., Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: blinova_11@mail.ru
БОРОВКОВА Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: nastya-borovkova@mail.ru
ГАЛУЗА Ольга Юрьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета.
E-mail: vladimirgaluza@rambler.ru
ГЫНГАЗОВА Людмила Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: 4749@mail.tomsknet.ru
ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: ekivancova@yandex.ru
ЛОМАКИНА Ольга Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва).
САМОТИК Людмила Григорьевна, – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.
E-mail: samotiklg@mail.ru
СИДОРЕНКО Константин Павлович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: sidorenko274@yandex.ru
СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: gstarikova@yandex.ru
ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: yourina2007@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: http://vestnik.tsu.ru/lex

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://vestnik.tsu.ru/lex

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2015. № 1(7)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Кашпур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 26.08.2015 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 7,0; усл. печ. л. 6,5; уч.-изд. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru